

НИКОЛАЙ ПОГРЕБНЯК

СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМА

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Николай Погребняк

Смерть Иерусалима

Повесть и рассказы

Новокузнецк
«Союз писателей»
2023

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-44
П43

Погребняк, Николай Иванович.

П43 Смерть Иерусалима: Повесть и рассказы /
Н. И. Погребняк; худож. А Бугун. — Новокузнецк:
Союз писателей, 2023. — 108 с.
ISBN 978-5-00187-536-9

Жизнь полнится испытаниями. Так было, так есть, так будет. Как встретить их? Какой выбор сделать в трудной ситуации? Позволить себе сдаться или устремиться навстречу проблеме? Каждый волен сам принять решение и определить своё настоящее и возможное будущее. В рассказах «Наташкин дневник», «Улыбка больного человека» и «После Пасхи» Николай Погребняк предлагает читателю познакомиться с героями, являющимися нашими современниками, которые встали перед жестоким духовным выбором: до конца остаться человеком или думать только о себе. А повесть «Смерть Иерусалима», давшая название сборнику, перенесёт читающих её в далёкое прошлое и расскажет о судьбах трёх разных женщин, живших в Иерусалиме. Когда вавилонская армия царя Навуходоносора осадила город, и всякая надежда была потеряна, они сумели не утратить человечности и сохранить в сердце искорку любви...

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00187-536-9

© Погребняк Н. И., текст, 2023
© Бугун А., иллюстрации, 2023
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2023
© ИП Соседко М. В., издание, 2023

«ПОТОМУ ЧТО СЛОВА ИСХОДИЛИ ИЗ САМОЙ ГЛУБИНЫ ЕГО СЕРДЦА...»

Что есть сила, а что есть слабость? Очень часто люди превратно толкуют эти понятия, подменяя их или путая между собой. А ведь они обретают принципиальную важность, когда наступает лихая година, приходит пора испытаний, способных сломать одних и закалить характеры других. На страницах своей книги «Смерть Иерусалима» Николай Погребняк решил проанализировать саму суть человеческой души и провести черту между силой и слабостью.

Поставив своих героев в непростые жизненные ситуации, автор попытался растолковать читателю, почему человек ведёт себя тем или иным образом, даже если окружающим его поведение кажется нелогичным и нерациональным. «Почему город, превращающийся в груды горящих развалин под непрерывным обстрелом из десятков катапульти, мечущих камни до ста килограмм весом и сосуды с горячей смесью, несмотря на это жил своей обычной религиозной жизнью?» — спрашивает автор, обращаясь к читателям этой книги. И тут же вместе с ними он ищет ответ, строит предположения и объясняет каждое из них: «Может, религиозность была лишь лицемерной маской сверхзлости, порождённой вседозволенностью войны и непомерной алчности от легкодоступности мародёрства? Может, в грехах и похотях человеческих сокрыта причина религиозности людей, переутомлённых осадой и голодом, особенно голодом? А может, через религиозность реализовывалась последняя возможность погибающих людей сохранить свою самоидентичность в этом мире?». При этом он не забывает о том, что между разными поколениями, разделёнными друг от друга веками, существует огромная разница в восприятии мира, в отношении к основополагающим вещам, в идеологии, уровне знаний. Вопрос в том, так ли сильно мы на самом деле отличаемся друг от друга, ибо «даже и в нашем современном мире довольно сложно, почти невозможно выдержать грань между непосредственно жизнью и различными суевериями, прогнозами гороскопов, исполнениями неких религиозных предписаний или религиозными праздниками. Сложно прожить, не идентифицируя свой народ, а значит и себя с некой традиционной религией». Недаром существует такое понятие, как «вечные ценности». Можно также говорить о «вечных принципах», «вечных пороках», «вечных чувствах», «вечных добродетелях» и о многих других понятиях, к которым, без всяких сомнений, подходит короткое определение «вечный».

Герои, знакомство с которыми состоится на страницах книги Николая Погребняка, являют собой некие собирательные образы: «Наташка — это собирательный образ, но ведь не это главное, — главное, такая девушка могла жить, печалиться и радоваться, могла по девчачьей привычке вести дневник». Каждый из них знаком читателю или является зеркальным отражением его самого. Рисуя характеры персонажей, отображая их внутренние конфликты, говоря о принятых решениях и сделанных выборах, об ошибках и подвигах, автор призывает каждого остановиться, задуматься, попытаться проанализировать самого себя, обратить внимание на окружающих, стать чуточку сильнее, разбить оковы равнодушия, выбраться из клетки эгоцентрических стремлений и желаний. «Пока человек здоров, он контролирует своё поведение, свои эмоции, держит в

узде свой эгоизм, а когда заболит, контроль нарушается, и вся его эгоцентричность отображается на лице, отражается в словах». А ведь каждый из нас живёт не на замкнутой индивидуальной планете, подобно Маленькому принцу. Все мы — частички общества и должны думать не только о себе, дарить свою любовь, своё тепло, свою доброту тем, кто нам близок и дорог. Так и только так можно сделать мир лучше», — утверждает Николай Погребняк. «Что ещё он, недвижимый, мог дать окружающим? Ведь ни поле вспахать, ни дом отремонтировать он не мог. Только отдать тепло своего сердца. Но Боже! Как это много! Как это ценно здесь, на земле!» И разве можно сказать, что он неправ?

Немалое место в книге отведено психологии личности и общества, однако ничуть не меньше занимают писателя философские и религиозные темы. Николай Погребняк принадлежит к числу тех людей, которые находятся в постоянном поиске ответов, стремятся докопаться до самой сути мироздания и, узнав сакральные тайны, попытаются применить их к реальной жизни, к нашей обыденной повседневности, чтобы изменить её, сделать землю более светлым и приятным местом. Не секрет, что перемены начинаются не снаружи — они идут изнутри. Так, может быть, пришло время изменить себя, чтобы изменить мир: «Но если дело не во внешнем, значит, дело во внутреннем — в моём восприятии той награды: иначе не возникло бы в сердце моём печали. Дело во внутреннем, в том, что исходит из самого сердца»?

Екатерина КУЗНЕЦОВА

СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМА

(повесть)

*Мирным жителям, погибшим
на войне, посвящается*

Смерть, смерть...

Пятые сутки, как Ханна, истощённая от болезни и многомесячного недоедания, которое в последние два месяца уже переступило ту условную черту, что разделяет недоедание и голодание, не могла даже глотать: не было сил на такое вроде совсем естественное рефлекторное сокращение мышц. Тело её исхудало так, что, казалось, почти не осталось уже ни одной мышцы, не то что жиринки. Кожа умирающей была хотя и сухой, но нежно-светлой, лишь лицо и кисти рук были воспалены, обожжены злым для голодного человека солнцем.

Её родные, сын Йосеф и его жена Олдама, тоже измождённые от голода и лишь великим усилием воли заставляющие себя по утрам вставать и спускаться к южным городским стенам, ибо там ещё давали горсть, — да, всего лишь горсточку ячменя в день тем, кто ломал близстоящие дома и воздвигал баррикады и завалы у ворот и на внутренних улицах Верхнего города. Так вот, родные её в последние два дня даже не переворачивали её с бока на бок: не было смысла беспокоиться о пролежнях и связанных с ними страданиях почти бесчувственного тела. Они молчаливо ждали, когда умрёт их мать, — что они могли для неё сделать? Когда были дома, намочив в воде тряпочку, прикрывали рот умирающей — теперь уже не закрывавшийся рот с тонкими шкурками губ. Они пробовали вливать немножко воды, но это приводило лишь к хрипению захлёбывавшегося человека. И язык — язык почернел, стал страшным, как иссохшаяся пропавшая морковь.

Говорят, что без воды человек живёт не более трёх-пяти суток; шли уже пятые сутки: пожилая женщина умирала и никак не могла умереть. Она уже не приходила в себя; лишь изредка приподнимала веки затуманенных, ничего не видящих больших глаз. Эти глаза с впавшими глазницами, кажущимися полупрозрачными из-за своей голубизны на фоне почерневшего лба и щёк, — их никогда не забудешь.

«Скорее бы!» — такая мысль поселилась, нет, даже не в умах, а в сердцах её родных. — «Господи! Доколе мучиться нашей матери? Яви Свою милость и сострадание!»

Под утро она умерла. Умерла тихо, не издав ни звука, ни даже тяжкого вздоха: просто перестала дышать, и остановилось сердце. Сердце... в последние дни оно очень явно чувствовалось под рукой через каркас из рёбер и кожи, — и вот оно остановилось. Умерла, и никто не читал над ней «Живущий под покровом Всевышнего...», никто не зажигал свеч, никто не рвал на себе одежду, даже плакать никто не плакал. Была не печаль, не давящая сердце скорбь, а лишь тихая грусть по ушедшей. Так бывает, когда, восходя в беззвучную темноту смерти, человек уносит с собой бесплотный эфир прощения и любви, а не жажду отмщения, не ненависть к врагам своим. Лишь прощение и любовь, и... мир. Воистину, умерщвляемые мечом счастливее умерщвляемых голодом, потому что последние истаивают от недостатка пищи.

Йосеф и Олдама обмотали тело покойной куском холста из грубоотканого хлопка и обвязали верёвкой.

Пока, обессиленные, они час за часом по очереди долбят крепкую почву с пластинами песчаника, роя небольшую могилу в глубине двора своего дома, я немного расскажу вам о героях повествования. Йосеф был плотником, поэтому и жили они на улице строителей у Ворот Долины, на окраине, далеко от источника питьевой воды — пруда Силоам. Йосеф был среднего роста, худощавый, суетный в движениях и сумбурный в речи. Привлекли же моё внимание к нему и выделили среди многих страдальцев Святого города его глаза. Помните, как был описан псалмопевец Давид: «Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом». Хотя Йосеф был совсем не белокур, а наоборот, черноволос и даже с пролысиной на макушке, но мудрые глаза его с добрым прищуром сразу же вызывали уважение и доверие.

Жена его, Олдама, была среднего роста, стройна и рыжеволоса. Типично еврейские черты совсем не искажали красоты лица, а наоборот, подчёркивали самобытность. При кажущейся хрупкости она была довольно сильной и выносливой женщиной: раньше, в мирное время, она легко приносила тяжёлый кувшин с водой от Гихона.

Война и голод наложили глубокий след не только на манеры, но и на их внешность. Йосеф исхудал, даже стал казаться меньше ростом, весь ссутулился, сгорбился. Обтянутый загоревшей дочерна кожей череп с сильно поредевшими волосёнками. Взгляд его болезненно помутнел, и только когда заговоришь с ним, когда вступишься, то у самых кончиков глаз увидишь знакомые морщинки, и в глубине проступает прежняя теплота взгляда. Олдама от голода и испытаний внешне кажется меньше пострадавшей, только сильно похудела, обгорели лицо и руки, да кожа стала сухой, в трещинках и коросточках. Движения её стали медленными, экономными, но, несмотря на это, каким-то чудом сохранилась в ней прежняя стройность.

К полудню выдолбили могилу и похоронили мать, обложив камнями и присыпав землёй. А вечером, собравшись с силами, втащили на могилу небольшой камень, и побелили его известью, и растопленным асфальтом написали имя: «Ханна».

Не имея возможности похоронить мать в семейном склепе по иудейским обычаям, они сделали максимально возможное для неё в той обстановке, что царила в осаждённом городе Иерусалиме. В Великом городе Иерусалиме, который некогда был князем над областями, а сейчас источал к небесам неимоверный смрад от трупов, стремительно разлагавшихся в летнюю жару под руинами разрушенных и сгоревших домов. Смрад от трупов, валявшихся на улицах, пока не наступит ночь, когда можно будет подтащить их и выбросить за крепостные стены, не боясь самому быть убитым стрелой. Такая очистка улиц производилась иудеями ежедневно, кроме суббот.

Хочу отметить не только беспримерную, воистину фанатичную стойкость защитников Иерусалима, но и их скрупулёзность в соблюдении суббот, жертвоприношений и ритуальных омовений, даже когда испытывали жестокую нехватку продовольствия и воды. Откуда это в них? Почему город, превращающийся в груды горящих развалин под непрерывным обстрелом из десятков катапульт, мечущих камни до ста килограмм весом и сосуды с горячей смесью, несмотря на это, жил своей обычной религиозной жизнью?

Если я скажу, что во время сверхиспытаний в нас, людях, пробуждается, нет, не духовность, а религиозность — упрямая, даже агрессивная религиозность, то этим я ничего не скажу о мировосприятии древних иудеев (как и древних вавилонян).

Страх? Нет, со временем он, наоборот, притупляется.

Чувство близкой смерти? Тоже нет, ибо через несколько месяцев уже настолько привыкаешь к виду мёртвых на улицах, что без всякого сожаления, вообще без каких-либо эмоций проходишь мимо них, просто стараясь не наступить.

Может, религиозность была лишь лицемерной маской сверхзлости, порождённой вседозволенностью войны и непомерной алчности от легкодоступности мародёрства? Может, в грехах и похотях человеческих сокрыта причина религиозности людей, переутомлённых осадой и голодом, особенно голодом? А может, через религиозность реализовывалась последняя возможность погибающих людей сохранить свою самоидентичность в этом мире? Ведь, по сути, кто мы без своей религии, без своих традиций? Прах, который будет развеян и исчезнет в никуда, а так — часть своего народа, часть его истории, часть его гордости, которая останется в веках.

Во всех вышеперечисленных предположениях есть доля истины, и даже скажу — большая доля истины, но все мои рассуждения — это рассуждения современного человека с его мироощущением. В наше время некоторые люди не признают никакой религии, другие исповедуют религию, но всё равно подавляющее большинство из нас живёт по принципу: жизнь — сама по себе, а религия — сама по себе. В древнем же мире невозможно было представить жизнь людей вне их религии. Религия была не просто обязательным дополнением к жизни, а одной из составляющих самой жизни.

Хотя нет! Даже и в нашем современном мире довольно сложно, почти невозможно выдержать грань между непосредственно жизнью и различными суевериями, прогнозами гороскопов, исполнениями неких религиозных предписаний или религиозными праздниками. Сложно прожить, не идентифицируя свой народ, а значит и себя с некой традиционной религией. Сложно. А в древнем мире это было вообще невозможно. Религиозная жизнь, по сути, была и этикой, и законом, и даже государственным устройством в те времена. Предписания религиозных законов, гадания жрецов или пророчества Божьих пророков направляли пути всех людей, даже царей: предопределяли, когда и что им делать.

Чтобы вы могли наиболее наглядно представить себе, как это могло быть, вспомните о мусульманских странах, например Саудовской Аравии, в которой и сегодня жизнь идёт по шариату: живут же там люди, и, кстати, неплохо живут.

Поэтому в древнем Иерусалиме раз люди жили, то жили, в первую очередь, своей привычной религиозной жизнью. Жили, несмотря ни на какие обстрелы, несмотря на тараны, подведённые к высокой северной стене города и своими однообразно-периодичными, не прекращающимися ни днём ни ночью ударами, предвещавшие неизбежную гибель, причём уже скорую гибель Великого города Иерусалима и всех их.

Ни в день похорон своей матери, ни на следующий день Йосеф и Олдама не пошли на строительство баррикад: не было ни сил, ни желания, ни смысла. Утратила всякий смысл работа, когда пришло осознание, что через неделю-другую будет уже некому защищать те баррикады.

На другой день Йосеф узнал у одного из соседей, что на работе им уже не дают даже прежней скудной горсти ячменя — ничего не дают. В городе осталось только немного овса для боевых коней.

— Значит, пришёл и нам конец. Голодомор!

Собственно, острый недостаток продуктов ощущался в городе уже с год, почти сразу же после того, как войска Навуходоносора вновь осадили город.

Год тому назад

В прошлом году весной вавилонская армия сняла осаду с Иерусалима и стремительным маршем выступила навстречу египетским войскам, собравшимся было на помощь иудеям. Но, увидев мощь Вавилона, египтяне трусливо ретировались. И вот, когда в Иерусалим к храму стеклось множество паломников на праздник Жатвы (позднее он будет называться праздником Пятидесятницы), город был снова «захлопнут». За неделю-другую жители и гости столицы съели весь хлеб с улицы хлебопёков, и пришлось открывать царские и храмовые закрома.

В то ещё относительно сытое время Йосеф вместе с другими плотниками трудился на территории царского дворца. Они восстанавливали казармы царской стражи, разрушенные камнями из катапульт. Во дворе стражи он увидел старца, сидевшего в темнице. Измождённый физически старец являл духом своим свет надежды и истины для многих приходивших, в том числе и для сильных мира сего.

В час еды работникам раздали по лепёшке на двоих, но Йосефу не хватило, и стражник, приставленный смотреть за работой, подозвал его и отсыпал обжаренных зёрен. Они сели рядом.

— Не скажет ли господин мой, что это за старец, к которому подходил сегодня с таким почтением господин мой, а он сидит под стражей?

— Это великий пророк Божий, — так, чтобы другие не слышали, ответил стражник.

Йосеф удивился: если он пророк Божий, то почему его держат в темнице и почему за советом приходят со страхом, украдкой?

— Ещё много лет назад он предвозвестил, что за грехи наши придут халдеи, и окружат, и возьмут Иерусалим, и сожгут огнём город и храм. И пророчества его не понравились ни царю, ни князьям, ни первосвященникам. Зовут же этого пророка Иеремию. За то, что он говорил слова обличения от Всевышнего, князья сначала били Иеремию и заключили в темницу в доме Ионафана-писца, где морили голодом, потом вообще бросили в яму с помоями, где он стоял по плечи в вонючей жиже. И, если бы не Божий промысел, которым было воспалено сердце царя нашего, пророк сей был бы уже мёртв.

— А господин мой не боится рассказывать? Вот мы сидим и едим хлеб, а вдруг раб его донесёт князю или священнику?

— Мир тебе, я вижу, что всё, что предвозвестил нам пророк тот, уже сбылось или сбывается. Да и не похож ты на злого человека. Ну, а ежели и ты, плотник, окажешься жестокосердым, то воистину достойны мы самого строгого суда Божьего, о каком

возвестил нам пророк. Тогда недостойны мы жить на земле сей — Богом обетованной земле.

— Необычно вы говорите! Я никогда не слышал, чтобы человек исповедовал уместным и справедливым наказание Божие на душу свою. Люди просят Всевышнего о здоровье, богатстве, о детях, но чтобы соглашаться с судом?..

— Чудными мои слова кажутся тебе потому, что доселе не думал ты об истинном покаянии перед Господом Богом своим... Но вот и обед закончился, пора за работу приниматься.

— Если угодно господину моему, то имя раба его Йосеф, я с улицы строителей у Ворот Долины.

— А я Эвэд-Мэлэх, эфиоплянин.

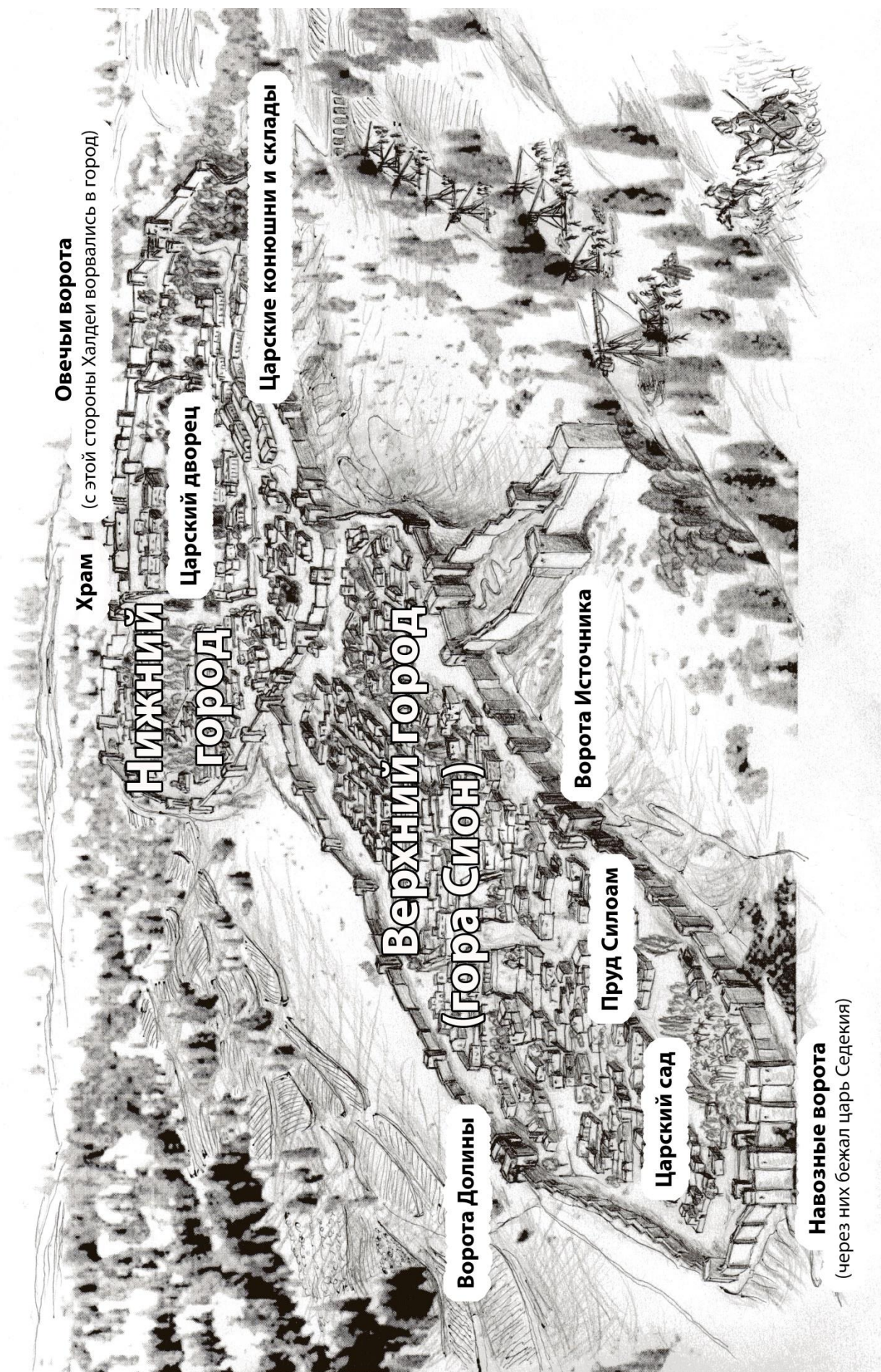
И разошлись случайные собеседники по своим жизненным путям-дорожкам, разошлись с надеждой, что ещё увидятся. Но одному Богу было ведомо, что ожидало их впереди.

И было от Бога слово Эвэд-Мэлэху: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: Вот, Я исполню слова Мои о городе этом во зло, а не к добру; и исполнятся они в тот день пред тобою, но тебя спасу Я в тот день, — сказал Господь, — и не будешь ты предан в руки тех людей, которых ты боишься, ибо дам Я тебе спастись, и ты не падёшь от меча, и добычей тебе будет душа твоя, потому что ты уповал на Меня».

Больше Йосеф не видел ни святого старца, ни Эвэд-Мэлэха, потому что после того дня плотники уже ничего не восстанавливали, а, наоборот, разрушали дома близ крепостных ворот и создавали баррикады и завалы. Город, Великий город Иерусалим перестал жить, а крепкие стены его лишь продлевали агонию умирания. Но люди ещё жили, даже на базарах шла торговля. Правда, легко можно было заметить, что суета и многолюдность восточных базаров буквально день ото дня испарялась: настоящих покупателей и продавцов было мало, зато возросло количество праздно шатающихся зевак и мелких воришек.

Пройдёмся и мы по городу, тем более что и попутчица есть: Олдама собралась идти за водой. Слева по ходу на холме сияют золотом и полированным мрамором Божий храм и царский дворец, правее их возвышается древняя башня, воздвигнутая ещё царём Давидом. То тут, то там видны двух- и трёхэтажные богатые дома из камня, тоже отделанные кедром и даже кое-где покрытые золотой и серебряной фольгой. Хотя город всё более и более разрушается под градом камней и «зажигалок», но в первое полугодие после начала осады его горделивый вид ещё не померк, не покрылся копотью и пылью.

Чтобы мы не погибли от случайного камня, выпущенного из катапульты, Олдама ведёт нас по узкой извилистой улочке, состоящей из глинобитных стен в два-три метра высотой. Для нас, европейцев, улицы восточного города кажутся дикими и пустынными: ни одного окна, лишь изредка лепятся сбоку ступеньки, ведущие к небольшой двери.

Овечьи ворота

Храм (с этой стороны Халдеи ворвались в город)

Нижний город

Царский дворец

Царские конюшни и склады

**Верхний город
(гора Сион)**

Ворота Долины

Ворота Источника

Пруд Силоам

Царский сад

Навозные ворота

(через них бежал царь Седекия)

Иерусалим. Начало осады его Вавилонской армией в 588 году до н.э.

Мы стараемся держаться южной стены, так как с юга — наибольший обстрел. С северо-востока же Верхний город защищён постройками храма, царского двора и длинными помещениями конюшен.

Вскоре подошли к Царскому саду и в тени деревьев, мимо Ворот Источника вышли к колодцу, ступеньки которого ведут к тёмной прохладе водного резервуара, пробитого в горе, — это пруд Силоам — единственный не иссякающий в летнюю жару источник пресной воды. Набрав кувшины, возвращаемся в дом Йосефа, где нас уже ждёт его мать (напоминаю: осада ещё только началась, все ещё живы).

Зерна ячменя уже перетёрты в муку на домашней мельничке. Смешав муку с водой и старой закваской, старуха-мать оставила тесто в тенике, чтобы оно немного поднялось, потом испекла четыре плоские лепёшки. Сегодня у них — шикарный стол: ночью удалось «выторговать» немного чечевицы, чеснока и даже горсточку изюма. Поэтому на обед будет лепёшка с чесночным уксусом.

Сидим на циновках вокруг низенького столика, и я, взяв кусочек лепёшки и обмакнув его в чашку с чесночным уксусом, спрашиваю старшую женщину в доме: «Не скажет ли матушка Ханна, откуда у них овощи-фрукты в осаждённом городе? Неужели халдеи настолько великодушны, что позволяют мирным жителям выходить из города к своим огородам?»

— Нет, конечно, нет! Никого они не выпускают и никого не жалеют. Их сребролюбие — вот причина сегодняшнего изобилия.

В разговор вступила Олдама, сноха её: «Я таки скажу. Да позволено будет объяснить рабе вашей: город обстреливают только днём, ночью не видно, куда стрелять, и некоторые жители поднимаются на городскую стену в укромных местах, где она не сильно высокая. Так как Иерусалим издревле торговал с окрестными народами, то многие из жителей могут общаться и с вавилонянами, и с аморреями, и с народами Ассирии, и сейчас сговариваются обменять драгоценности на продукты. Они спускают на верёвке мешочки с серебряными или золотыми изделиями, а поднимают их уже с зерном или овощами. У нас был браслет, сплетённый из серебряных нитей, — вот ночью рабы ваши его и выменяли».

— За браслет дали мешочек чечевицы да пять головок чеснока?!

— Мы не в обиде, ведь и те солдаты рискуют — вдруг командир увидит...

— Ничем они не рискуют! Такая «торговля» ничем не отличается от грабежа. У нас (в наше, современное время), помню, тоже было подобное: хулиганы, подкараулив в укромном месте какого-нибудь тихого интеллигента в очках, предлагали купить кирпич за десять рублей (полтора литра водки). И заседали, и вымогали деньги. По закону — тоже не грабёж, а на самом деле — самый что ни на есть циничный грабёж.

Тут мать Йосефа тихой фразой мигом сдула мой разошедшийся праведный гнев и вернула к действительности: «У нас вчера камнем из катапульты оторвало соседу голову; остались жена и маленькие дети. Они, как и мы, не богатые, наверно, зимой умрут от голода и болезней».

Недолго продолжалась та ночная торговля. Узнав о нарушении дисциплины, военачальник и зять царя, Нергалшар-уцур, сделал рокировку в своём войске. Отряды рекрутов из городов империи он отвёл назад для выполнения инженерных работ и сбора фуража для армии, а вперёд к насыпям и в пикеты поставил ахламеев — арийцев-

кочевников из областей Миттани. Они издревле перешли с Дона и степей нынешней Руси и кочевали вдоль южного побережья Чёрного моря. Иудеи не знали их языка, да и предлагаемые осаждёнными драгоценности не слишком привлекали новых караульщиков. Ахламеи охотнее брали оружие, рабынь и вино. Так благодаря разумным действиям Нергал-шар-уцур добился, чтобы спустя полгода, весной, в Иерусалиме наступил страшный голод.

Но до весны было ещё далеко, а пока иудеи совершали отчаянные ночные вылазки против вавилонян, воздвигавших насыпи для подведения таранов, и своей отчаянной храбростью, несмотря на большие потери, уже дважды преодолевали заслоны осаждавших и сжигали их инженерные сооружения по подведению насыпи, сожгли также башню и несколько катапульт. Но осаждавшие заново устанавливали изгороди и щиты для строителей — щиты, сплетённые из веток и обтянутые воловьей кожей: их поливали водой, чтобы разбухшая кожа не воспламенялась от горшков с горячей смолой, бросаемых со стены, и защищала строителей от стрел. Они упорно делали насыпь для подведения стенобитных орудий к городской стене. При этом вели интенсивный обстрел по защитникам. Кочевники, отличные лучники, стреляли со второй оставшейся деревянной вышки, возвышавшейся над городской стеной. А с холмов верхи стен обстреливали градом камней из двух десятков катапульт.

Обстрел был настолько меткий и плотный, что погибал почти каждый, кто осмеливался подняться на стену. И только издалека, с башни Давида, осаждённые могли с отчаянными воплями ко Всевышнему беспомощно взирать, как враги медленно, но неуклонно приближают их гибель.

Праздник кущей

Наступил месяц Тишри (октябрь), приближался праздник Суккот — праздник кущей. Один из трёх великих праздников Израиля; он назывался также праздником собирания плодов, так как совпадал с окончанием земледельческих работ и знаменовал наступление нового года. «Что будет в следующем году? Каким он будет для нас?» — с тревогой и надеждой каждый из граждан Святого города ожидал ответа на этот вопрос.

На крышах домов и во дворах то тут, то там начали ставить палатки. Жители тратили свои последние средства, но непременно желали купить лимон для праздника и хотя бы половину каба¹ зерна для жертвоприношения в храме.

Для Йосефа предпраздничные дни были наполнены радующими душу трудами (хотя они и не приносили много заработка): он помогал, строил кущи² у жителей Иерусалима. Каждый вечер он приносил заработанную снедь, а накануне праздника, потрудившись два дня, вечером, усталый, но с довольным и таинственным видом, по-детски сияя от расправившей его гордости, вынул из-за пазухи лимон. Это был совсем невзрачный, маленький и кривой лимончик, но это был праздничный лимон. У них не было детей, и он каждый год покупал и приносил для своей жены на праздник лимоны. Уповая, пусть даже

¹ Каб — древнееврейская единица меры сыпучих тел (около 1,2 л).

² Кущи — шалаши, палатки.

бессознательно, но всё же уповая на народное поверье, что если подаришь на Суккот жене лимон, то в следующем году она родит.

На следующий день, в первый день недели, он вместе с другими мужчинами с их улицы собрался на праздник. С музыкой и танцами, держа в руках факелы, с разных улочек стекались мужчины к храму. Вокруг радостно суеились ребяташки, обливая всех водой. Некоторые из идущих несли ветку лимонника или финиковой пальмы. По обычаю предписывалось носить в левой руке лимон, а в правой лував — пальмовую ветвь, перевитую миртовыми и ивовыми ветвями, но где взять такое богатство в осаждённом городе?

Чтобы священники не подвергались обстрелу из катапульт во время жертвоприношений Богу, напротив жертвенника ещё во время первой осады была воздвигнута стена. Семь дней в установленном порядке приносились в храме жертвы. Семь дней приходили многие мужчины в храм. И в эти дни, кажется, даже халдеи вместе с ними праздновали и славили Бога Авраама, Исаака и Иакова: обстрел города прекратился, только работы по подведению насыпи продолжались и даже усилились.

После полудня, ближе к вечеру, семья собралась для праздничной трапезы. В общепринятом смысле её нельзя было назвать праздничной: ни мяса, ни оливкового масла, ни салатов не было. Не было и пресной халы³, но на столике в шалаше лежали лепёшки, была соль, стоял кувшин с водой, а украшением стола являлся лимон.

Посоветовавшись, Йосеф пошёл и торжественно пригласил на праздник соседку и её ребят. Все чинно уселись вокруг столика, и глава дома произнёс благодарение: «Благословен Ты, Бог, Всесильный наш, Владыка вселенной, освятивший нас Своими заповедями и повелевший нам жить в шалаше!».

Глазёнки голодных мальчуганов как замороженные прилипли к лимончику, от одного вида которого текли слюнки. Мать Йосефа аккуратно нарезала лимон на тонюсенькие дольки и подала каждому вместе с кусочком хлеба. И мирно, и тепло было у всех на душе, и вкушали сию простую пищу, и благодарили Бога.

Стемнело. Зажгли лучину. Ребятишки, впервые за последние дни действительно насытившиеся, посапывали в шалаше, свернувшись калачиком. Поначалу они с интересом прислушивались к тому, о чём говорили взрослые, потом, уже клюя носами, а с наступлением вечера им постелили у стенки шалаша, и они тут же уснули.

Был праздник кущей.

Вопреки обычаю, в маленьком шалаше в ту ночь не вспоминали о прошлом, не вспоминали о сорока годах странствия в пустыне, когда Господь вывел Израиль из египетского рабства. Женщины, было, завели речь, как предписывает традиция праздничного застолья, но вскоре застопорились: вспомнили про виноградную ветвь с одной кистью ягод, которую несли на шесте двое из разведчиков, посланных Моисеем, чтобы они высмотрели землю обетованную...

— Тó сделает Всевышний с домом этим (храмом), что с Шило, а город наш сделает проклятием для всех народов земли — робко, сам отстраняясь от сказанного, передал Йосеф слова пророка, услышанные им от Эвэд-Мэлэха.

³ Хала — еврейский традиционный праздничный хлеб, плетёнка с кунжутом.

Женщины подались вперёд, вслушиваясь и как бы повторяя в себе раз, и ещё, и ещё раз слова, сказанные главой дома, возвращали их в сердцах своих. Тогда Йосеф рассказал о том, что видел пророка Иеремию и об Эвэд-Мэлэхе.

Он долго не отваживался даже в семье упомянуть о былом разговоре, и так и эдак обдумывая услышанное. Беспросветно страшными показались пророческие слова о том, что если они не отвратятся от идолов своих и от злых путей своих, то неизбежно и, главное, скоро ждёт их позор и гибель. Он не мог не принять слов пророка, ибо сердце горело в нём от услышанных слов. Но его робкая душа не могла безоглядно согласиться со словом Божиим, ибо много лет слышал он от священников и от князей народа увещания о мире городу, где стоит храм. Глазами своими видел, что нет мира, видел, как бьют камни по городу и храму, но не смел усомниться в сказанном начальниками иудейскими, так как считал себя благочестивым иудеем. Не могла его гордыня принять, что Всевышний оставил храм, что с ними, с коленом Иудиным, поступит так же, как с коленом Ефремовым — отдаст на поругание врагам и, что было для него, иудея, ещё хуже, унизит перед другими коленами Израиля. Ведь царь Седекия — великий царь, помазанник Божий, надежда народа — был с ними. Ведь первосвященник Сарей — защита народа пред Богом — был с ними, и вместе с ним священник Софония и священники, охранявшие святилище, все были с ними в Иерусалиме, рассуждал в себе Йосеф.

— Что же нам делать? Да научит нас господин мой! — вдруг вспыхнула ожиданием непонятной надежды соседка, — Геула её имя. Отчаяние дало ей смелость и упование на милость Божию, отчаяние и тревога за детей. Да и остальные женщины на удивление сразу приняли и положили на сердце слова пророка. Ах, женщины, женщины! Всё-то у вас сходу, слёту, всё-то у вас по интуиции!

— Храни всех вас Всевышний, но мне не ведомы пути спасения, — продолжая сомневаться о своём, машинально ответил Йосеф.

В продолжение семи дней праздника он старательно ходил в храм, надеясь среди мужчин увидеть пророка Божьего или Эвэд-Мэлэха. Но все поиски были тщетны. Йосеф ждал встречи и боялся её, ибо осознавал свою неготовность. Нет, не неготовность к разговору или задать вопрос, который так их волновал, а неготовность принять слово пророка Божьего как слово от Бога. Неготовность довериться Богу.

Закончились дни праздника, и после показавшегося просвета надежды город вновь погрузился во тьму отчаяния. Ещё горше было возвращаться сознанию к реальности, к осаде, к разрушениям и пожарам, к смертям. Жители улицы строителей по-прежнему разрушали дома и строили баррикады, и восстанавливали верхи стен.

Как-то вечером в дом постучались, и вошёл воинский начальник. Йосеф, увидев, узнал Эвэд-Мэлэха, и побежал навстречу ему, и поклонился, и сказал: «Господин! Если я обрел милость пред очами твоими, то войди в дом раба твоего. И принесут немного воды и омоют ноги твои, и отдохнёшь. А я принесу жареных зёрен, подкрепишь сердце своё».

И сказал воинский начальник: «Мир вам! Мы охраняем городские ворота, и я не могу остаться в доме твоём. Я пришёл, чтобы передать тебе слова пророка Иереми: «Так сказал Господь: „Вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: тот, кто останется в этом городе, умрёт от меча, от голода или от мора, а кто выйдет и сдастся халдеям,

осаждающим вас, тот останется в живых, и добычей будет ему душа его“. Это путь спасения для ищущих спасения из города погибели».

Сказав, Эвэд-Мэлэх поклонился, повернулся и вышел к поджидавшим его воинам. А жильцы дома так и остались стоять на месте, словно только что увидели Ангела небесного.

Утром, чуть свет, Олдама побежала к соседке и рассказала ей о вечернем визите и словах Господа, переданных им. Геула благодарила за свидетельство о милости Божьей и слагала в сердце услышанные слова. С этого дня она стала готовиться к бегству и обдумывала, как покинуть город.

Геула

Пришёл сезон дождей, а там и зима подросла со своими холодами и сыростью... шёл одиннадцатый год царя Седекии.

Если кто не знает, то расскажу. Климат в Иерусалиме сильно отличается от окрестных областей. Зачастую бывает, когда в Иерусалиме идёт дождь или даже снег, а ночью и заморозки упадут, всего в семидесяти километрах, в Иерихоне, людей ласкает солнце и стоит жара.

Зимой в городе начались эпидемии. Истощённые, израненные люди начали умирать. Это были первые предвестники грядущего повального мора, когда среди многих умерла и Ханна. Но горе было ещё впереди, а сейчас, сейчас Геула действовала.

Днём она собирала на развалинах камни и поднимала их наверх, на стену, туда, где каменщики восстанавливали кладку. Это были самые опасные участки работ, так как строители нередко подвергались обстрелу кочевников. Но здесь, на стене, можно было заработать до четверти гóмора⁴ ячменя, чтобы накормить детей и самой не умереть с голода. Хотя бы малое время продержаться, ибо молодая женщина чувствовала, как день ото дня силы покидают её. Но, главное, только здесь, на стенах, можно было высмотреть путь к бегству из города.

Поработав на северо-западной стене Верхнего города, она пошла в Терапеонскую долину, в Нижний город. Но здесь, хотя стены были ниже, шли наиболее интенсивные сражения, по ночам иудеи часто совершали вылазки, и поэтому выбраться и не быть сразу же убитой шансов было мало.

Наконец был найден участок, где ночью можно было незаметно пробраться на стену и спуститься наружу.

После работы Геула захватила с собой плетёную корзину, в какой таскают кирпичи и камни, и по вечерам стала играть с детьми «в грузики». Постепенно мама приучила детей не бояться, когда их по одному спускают с крыши дома. Спустившись, старший торопился вылезть и ждал, когда мама спустит в этой же корзине младшего, чтобы и ему помочь выбраться наружу.

За поисками места побега на городской стене, заботой о хлебе насущном и подготовкой детей к предстоящему путешествию не успевала оглянуться, как день пролетал за днём, она не работала, и, соответственно, ей не выдавали пайки зерна, а

⁴ Гомор — древнееврейская мера сыпучих тел (около 2,2 литра).

накопить достаточный запас за неделю уже не получалось. Схрумав кусочек маленькой лепёшки, дети просили добавки, но где её взять, когда всё хоть мало-мальски ценное давно уже было продано. Дети спрашивали маму, почему Всевышний не пошлёт и им с неба манны, как Он посылал народу, когда они жили в кущах. Что на это сказать бедным малышам?

И мама рассказала им сказку: «Случилась эта история много лет назад. Жил тогда в земле Израильской один пожилой человек, был тот человек праведник, и звали его Ханина. Но он был бедняк и жил в маленьком покосившемся домике, а в домике этом ничего не было: ни мебели никакой, ни посуды хорошей, ни постелей на полу. И даже еды досыта не было у них в доме: немного хлеба ели в доме Ханины всю неделю и запивали водой, и в субботу трапеза состояла из хлеба и воды. Жена Ханины была очень грустна от того, что даже в субботу у них не бывает хорошей трапезы.

— Муж мой, — сказала она супругу со слезами на глазах, — что с нами будет? До каких пор мы будем так голодать, что даже в субботу у нас нечего поесть и попить, нечем поддержать душу?

Ответил ей Ханина: „Что же делать? Нет у меня денег, чтобы купить на субботу еды и немного вина“.

Выслушала его жена и сказала: „Мне рассказывали, муж мой, что на небе праведники сидят в раю вокруг стола из чистого золота. А на столе — серебряные блюда с манной небесной и нефритовые чаши⁵, а в чашах — красное вино. Это правда?“

— Да, так говорят, — сказал Ханина.

— Может быть, ты помолишься, — предложила жена, — и попросишь, чтобы нам дали что-нибудь от стола праведников? У них всего много, а у нас нет ничего. Наверное, чего-нибудь из того, что у них остаётся, хватило бы нам, чтобы наесться досыта, — так просила жена мужа своего, и слёзы текли у неё из глаз.

Не мог Ханина смотреть спокойно на слёзы своей жены. Что же он сделал? Вышел из дому, стал во дворе под зелёное дерево и стал молиться, прося хоть что-нибудь от стола праведников. И вдруг с небес протянулась белая рука, и раздался голос: „Вы просили чего-нибудь от стола праведников, вот вам! Держи, Ханина!“

Ханина увидел, что получил в подарок с неба ножку от стола праведников, что на небесах. Очень красивую ножку, украшенную цветами и стеблями из чистого золота, сверкающую чудесным сиянием.

Удивилась жена и сказала: „Ножка от стола! Что мы с ней будем делать? Мы ведь просили еды и немного вина на субботу!“

— Может быть, можно отрезать кусочек от золотой ножки и купить чего-нибудь на субботу? — предположил Ханина. Но тут же отказался: отрезать от подарка с неба — это великое кощунство. Он взял подарок и занёс в свой маленький покосившийся домик. Не успел он переступить порог, как дом вдруг наполнился светом и превратился во дворец с красивой мебелью, на полу — много ковров, а посреди комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью, а на нём — субботняя трапеза в золотых и серебряных сосудах. И новые одежды оказались вдруг на Ханине и его жене. И всё это благодаря золотой ножке от стола праведников, что дали им в подарок с небес.

⁵ Из-за своей красоты, прочности и способности долго сохранять тепло в древнем Египте и Сирии нефрит считался священным камнем, символом победы и вечной жизни.

Счастливыми, весёлыми и сытыми были Ханина и его жена всю ту субботу. И вот суббота кончилась, и Ханина взошёл на ложе своё и уснул, и приснился ему странный сон. Приснилось ему, будто все праведники сидят в раю за золотым столом. На каждом из них надето по восемь разных одежд из белоснежных облаков, на голове — золотые венцы. Около каждого праведника стоит ангел и подаёт ему кушанья и напитки. Но только наполнит ангел изумрудно-зелёную нефритовую чашу, и — ах! — она скользит и падает наземь. Вино выплёскивается и попадает на белые одежды праведников, потому что стоит стол праведников всего на трёх ногах. Одной ноги нет, и праведники не могут ни есть, ни пить.

Проснулся Ханина и весь трясётся. Рассказал он жене свой сон и говорит: „Праведники услышали мои мольбы и отдали мне часть от своего золотого стола — одну из его ножек, но теперь стол у них перекосялся, и они не могут насытить свои сердца“.

— Ой-ой-ой! — возопила жена, — надо, чтобы праведники сидели за хорошим столом, как этот.

— Я буду молиться Господу и просить из всех сил, чтобы Он забрал обратно ножку от золотого стола. Как ни тяжело получить подарок с неба, но отдавать его обратно в семь раз труднее, — вздохнул Ханина.

Просил Ханина и просил, пока молитва его не была услышана. С небес протянулась белая рука. Он вложил в неё золотую ножку от стола праведников, и рука вмиг исчезла.

Из дома Ханины тоже исчезли еда и мебель, посуда и красивые одежды. И опять они ели скудную пищу всю неделю, и даже для субботней трапезы не было еды и вина. Но Ханина и его жена не грустили и не печалились. Они радовались, что там, высоко в небесах, сидят праведники вокруг золотого стола, и все четыре ножки у этого стола на месте», — добрым тихим голосом закончила Геула свою грустную сказку.

«Высоко на небе сидят праведники вокруг золотого стола, и все четыре ножки у него на месте, а вместе с праведниками сидит и наш папа, ведь правда, мама?» — спросил старший мальчишка, прижавшись посильнее к матери.

— Правда, милые мои, ответила мать, — и слеза медленно поползла у неё по щеке. Солёная-пресолёная слеза.

С этого дня каждый вечер перед сном дети просили, чтобы им рассказали именно эту сказку. «Про папу» — так называли они её меж собой.

Собрав по развалинам волокна и тряпки, Геула сплела длинный крепкий канат. И в одну из промозглых дождливых ночей, укутав ребятшек, она пошла с ними к Воротам Источника. Но, не доходя, взяла вправо и, скрываясь за развалинами дома, вошла в аллею пирамидальных тополей, а оттуда было уже рукой подать до кустарников Царского сада. Сад, некогда бывший гордостью Иерусалима и местом отдохновения от летнего зноя для знатных горожан, изломали и разорили (как почти всё в городе, куда можно было беспрепятственно добраться). Но для наших беглецов чем разрушеннее и пустынное, тем было лучше. К счастью, на ночь проход на стену не был закрыт. Наверху из-за ветра всё было в дождевой пыли и тумане. Завернув за колено стены, чтобы случайно их не увидели с ближней башни, женщина достала из корзины канат...

Рисунок 2. И в одну из промозглых дождливых ночей, укутав ребятишек, она пошла с ними к Воротам Источника...

И тут перед глазами, как молния, промелькнуло видение: как будто её увидели стражи ворот, и схватили, и тащат прочь, а дети уже внизу, на площадке между стеной и обрывом горы Сион. «Они погибнут!» — трепещет её сердце, и руки нерешительно замерли. Но в духе, там, где мы слышим голос совести, нет, не заглушая голос страха, а нежно, еле слышно сквозь бурю в душе прозвучали слова: «Так сказал Господь: Вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти: тот, кто останется в этом городе, умрёт».

Привязав канат к корзине, мать по очереди спустила детей наружу. Осталось самой спуститься с пятнадцатиметровой высоты. Она не раз видела, как её муж и другие строители спускались на верёвке, перемахнув себя по диагонали через плечо и не думала, что это вызовет затруднения. Но тут — о Боже! Ведь им предстоит ещё спуск с узкой площадки у основания стены — спуск по скользкому, почти отвесному склону горы, и верёвка ещё понадобится. Её аж в жар бросило. Как спуститься вместе с верёвкой?

Мозг лихорадочно искал решение новой непредвиденной задачи. Геула согнула рулоном корзину и, используя её как перекладину между двух зубцов стены, сложила канат вдвое и, привязав один конец к руке, спустилась со стены во тьму. Сырой канат впился в тело, с непривычки женщину закрутило и ударило о стену. Но она не пискнула, не взвизгнула, а только молча заплакала. Двойной длины каната не хватило, и пришлось прыгать. Хорошо, что эта самая «зловредная верёвка» задержала падение: перехлёстнутая через валик из корзины, она разматывалась за своей хозяйкой (та совсем забыла, что один конец был привязан к её руке).

Всё, внизу! Дети было радостно заплакали, загалдели, но мать прикрывала своими поцелуями их рты и, прижав к себе, шептала: «Тише, тише!»

Первый шаг в неизвестность сделан, нужно идти дальше. Но корзина осталась на стене. И снова вопрос: как? И снова лихорадка мыслей. Геула сняла с себя шерстяную тунику (единственную свою одежду, несмотря на зимние холода) и, завязав её канатом, чтобы получилось подобие мешка, посадила в неё старшего сына и спустила вниз, к подножию горы. Потом спустила младшего сына, а следом... И снова, кажется, неразрешимая задача: как на скользкой голой площадке закрепить конец каната? Пробовала затолкать и камнем зажать узел между блоков городской стены — ничего не вышло: нечем забить, намертво заклинить щель. Стала шарить во тьме рукой, ища хоть какой-нибудь кустик, но попадалась только увядшая прошлогодняя трава.

Найдя плоский камень, Геула лихорадочно скребла и била неподатливую землю с песчаником, чтобы сделать канавку на краю обрыва и затем обвязать своеобразную рукотворную «голову» канатом и спуститься вниз. В двадцати метрах ниже потихоньку хныкали перепуганные и замёрзшие малыши, но было уже не страшно, что их услышат: до башен, где прятались от дождя стражники, было далеко. Наконец, через два часа спустилась в долину и мать. И снова — слёзы, и снова, обнявшись, не верилось, что всё ещё живы.

Взяв детей, одного на руки, а другой ухватился за полу туники, Геула пошла через долину в сторону Елеонской горы. Она шла и боялась — боялась не врагов, а своих, боялась, что вот удар — и стрела вопьётся между лопаток.

Только прошли долину, их окружил кавалерийский патруль. Всадники доставили женщину с детьми к своему командиру. Увидев её, — в измятой испачканной одежде,

грязную, с исцарапанными руками и ногами, — командир отряда, Курди-Ашшур, сначала хотел отправить на сборный пункт, где набирали партию пленников для отправки в Вавилон, но, присмотревшись к перемазанной физиономии Геулы с шишкой над бровью и обиженно надутыми хорошенькими губками, он покатился со смеху. Потом велел отмыть пленников, переодеть в чистое и определить в обоз: пусть женщина стирает, готовит пищу и исполняет другие хозяйственные работы.

А в Иерусалиме всю ту ночь стояла на коленях и простирала руки к храму с мольбами к Всевышнему другая женщина. Чтобы не потревожить сон родных, она плакала и молилась одними только устами, так, что со стороны могло показаться, будто она спяну бубнит непонятное себе под нос. Это была Ханна (только ей доверилась Геула, что сегодня ночью она с малыми детьми попытается уйти из Города Погибели, а там — как Бог усмотрит: жить им или умереть). Всю ночь пожилая женщина стояла на коленях и умоляла Спасителя, чтобы Он оградил мать и детей от козней охраны стены, чтобы даровал разум и силы при переходе, чтобы расположил к ним врагов, но, самое главное, чтобы укрепил веру Геулы в милость Его.

Под утро она встала с колен с миром в сердце и поблагодарила Всевышнего: «Слава Тебе, Господь, видящий меня!»

Могущество вавилонское

Через неделю, увидев Геулу, уже входящую в тело, опрятную, стройную женщину с приятным округлым лицом и внимательным, даже более — с заботливо-материнским взглядом, Курди-Ашшур подозвал её к себе и через переводчика расспросил о муже и родителях: живы ли? Потом поинтересовался, как она выжила после смерти мужа и как отважилась бежать из осаждённого города одна с двумя малыми детьми: случай невиданный. Его, закалённого воина, поразила смелость и находчивость еврейской женщины. Но больше всего его заинтересовал рассказ о пророке Иеремии и пророчестве, что Вавилон является орудием в руках Божьих для наказания нечестивого народа. За то, что они оставили веру отцов и стали поклоняться чужим богам, Иерусалим и храм будут преданы огню. Господь будет судить народ Свой за идолопоклонство, но не истребит его, а лишь в меру накажет его.

То, что Вавилон избран Богом для наказания нечестивых иудеев, молодого командира несколько не удивило: кому, как не им, усмирять взбунтовавшийся город. Недоумение вызвала причина наказания Божьего: не за восстание против своего царя, а за то, что поклонялись идолам. Курди-Ашшур хотел подробнее узнать об этом Боге и Его народе, но расспрашивать какую-то пленницу было ниже его достоинства. Он и так, не ожидая сам от себя такого, явил ей милости сверх меры. Подожду более подходящего случая, чтобы узнать всё, — решил он и на том успокоился.

Большое видится лишь на расстоянии. Для нас, живущих более чем два с половиной тысячелетия спустя, захват и разрушение Иерусалима и сожжение храма — знаменательное событие в мировой истории. Сейчас мы понимаем, что вавилонский плен

Иудеи стал новым этапом в жизни Израиля, апогеем которого стало первое пришествие Христа Спасителя и возникновение Церкви. Для царя же Навуходоносора эта война, по сути, не являлась даже войной в полном смысле слова — так, один из городов-вассалов взбунтовался, вот и всё.

Восстания в бескрайней империи происходили довольно часто, но в большинстве случаев всё обходилось бескровно. Из Вавилона поступал приказ окрестным областям призвать рекрутов. Затем подходил основной костяк вавилонской армии: не более десяти — двадцати тысяч профессиональных воинов — телохранителей царя, и всё войско окружало восставший город.

Обычно царь или глава окружённого города выходил на поклон и сдавался на милость победителям с просьбой сохранить город от уничтожения. Там меняли правителя, чаще на сына или брата восставшего царя, и налагали на город штраф, а дальше всё шло как и прежде.

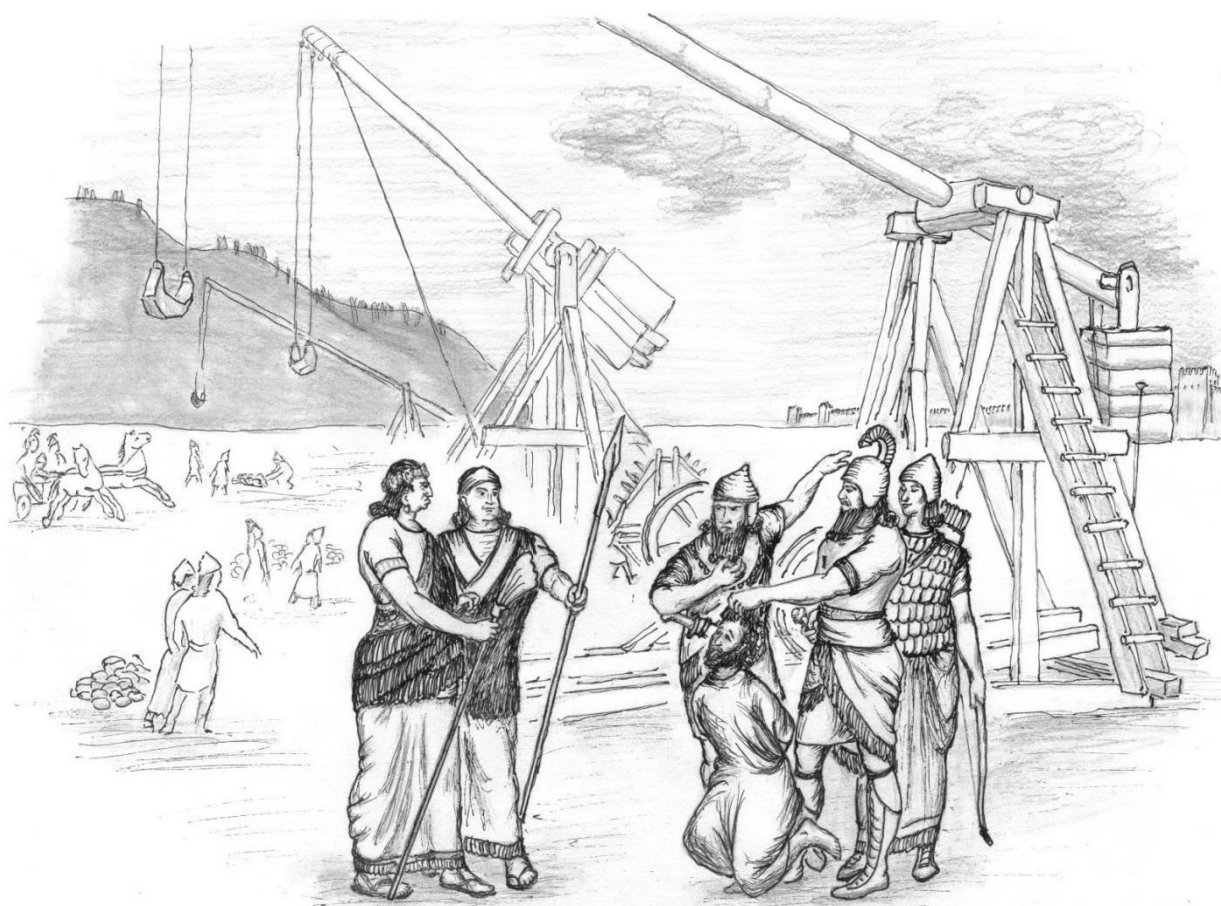

Рисунок 3. Обычно царь или глава города выходил на поклон и сдавался на милость победителям с просьбой сохранить город от уничтожения...

Подобное бывало и в Иудее. Царь Иехония отложился от Вавилона. Слуги вавилонские за это окружили Иерусалим, потом пришёл царь Навуходоносор со своим войском. Иехония с семьёй и князьями, евнухами и слугами вышли из города и сдались на милость царя Вавилонского. Тот взял сокровища из храма и золотые сосуды и выселил князей, и войско, и кузнецов, художников и плотников в Вавилон, всего десять тысяч. И воцарил Матфанию, дядю Иехонии, вместо него и переименовал его на Седекию.

Как правило, вассальные цари правили самовластно и имели свои воинские гарнизоны. Естественно, они обязаны были платить Вавилону установленную дань, и по приказу выступать со своим войском на войну, и выполнять ещё ряд требований, предусмотренных договором. В каждом городе-вассале был представитель верховной имперской власти, кипú, без присутствия которого, например, нельзя было вскрывать документы, пришедшие из Вавилона.

В противном же случае, когда бунтовщики упорно сопротивлялись Вавилонской империи, их ждала неизбежная и жестокая, зачастую очень жестокая расправа (дабы другим было неповадно).

Основную массу вавилонской армии составляли рекруты и ополченцы из разных областей. Каждый отряд был одет и вооружён по обычаям своего народа, поэтому внешне войско представляло собой довольно пёстрое зрелище. Чего нельзя было сказать об управлении и дисциплине, так как все командиры подразделений армии были преданы царю и прошли хорошую школу. Ещё юношами они получили образование при царском дворе: они учились искусству писцов, математике, астрономии, механике, закону и другим наукам, а также их усиленно готовили как воинов и будущих командиров. Потом — служба в свите царя, в рядах его пешей тяжеловооружённой охраны, и в конце — всадниками придворной кавалерии. Лишь после участия в нескольких военных походах молодого офицера отправляли в отдалённые области (где было неспокойно) помощником командира гарнизона или отряда кавалерии.

Такую же школу в своё время прошёл член знатной семьи выходцев из города Ашшура, Курди-Ашшур.

Вавилонская армия включала в себя также и специальные подразделения, которыми руководили инженеры. В их обязанности входила прокладка дорог там, где это было необходимо, наведение временных мостов и переправ, возведение пандусов при ведении осады. Но, главное, они изготавливали, доставляли к месту и монтировали стенобитные орудия (тараны), катапульты и осадные башни.

Я специально уделил так много внимания описанию Вавилонской империи и её армии, чтобы вы увидели, что не ордам «диких халдеев» пришлось противостоять защитникам Иерусалима, а величайшей в мире и наиболее организованной военной машине. К тому же хорошо оснащённой технически.

Да, падение города Иерусалима было лишь делом времени.

К счастью, а может, наоборот, к несчастью для жителей Иерусалима, с наступлением зимы большую часть войска царь Вавилонский расквартировал по окрестным городам, а кого и домой отпустил. Инженерные работы прекратились. Лишь продолжался лениво-привычный обстрел города, да вокруг сновали конные патрули кочевников (им не привыкать жить зимой в походных условиях). Кочевники в основном были заняты тем, что, как охотники дичь, вылавливали беглецов из города и продавали их в рабство заезжим купцам-работорговцам из Едома, Моавы и других соседних царств.

Последнее для иудеев было хуже голода и болезней осады, ибо «братские» народы вели себя с рабами очень жестоко: держа впроголодь, они насмехались и всячески издевались над ними. Кто был покрепче — отправляли в район Петры, на медные

рудники, где они через несколько месяцев умирали. Остальных продавали кочевникам Аравийской пустыни или в Египет.

Над Иерусалимом тяжёлой беспросветной тучей нависла зима.

Да будет по воле господина моего!

На другой день после побега Геулы из города Ханна рассказала обо всём сыну и снохе.

Они зашли во двор соседки. В глубине стоял повреждённый домик, в котором было две квадратные комнаты. Используя навыки, приобретённые ещё во времена египетского рабства, евреи чаще всего строили из глиняных кирпичей (самана), дом соседки тоже был из них.

Особенное впечатление производят на людей дома, навсегда покинутые хозяевами. Ещё вчера в них была жизнь, а сегодня, хотя внешне почти ничего не изменилось, даже вода мирно капает, стекая по водостоку в ёмкость, вырытую в земле, но жизни уже нет. Нет жизни, осталось только тление и разрушение — как тело умершего человека: он умер, и вроде внешне ещё всё по-прежнему, но уже вступили во власть другие силы — силы смерти, а не жизни.

Дом был мёртв. Йосеф и Олдама в смущении поспешно покинули соседний (уже соседний, а не соседский) дом: и как это Геула отчаялась всё бросить и бежать в неизвестность?

Они пытались жить, как раньше. Молодые с утра уходили на строительство оборонительных сооружений города, но по вечерам... о чём бы они ни пытались заводить разговор, неизбежно возвращались к словам пророка Иереми, переданным им через Эвэд-Мэлэха.

Зима набирала силу; одетые в ветхие халаты поверх туник, в сандалиях на босу ногу они брели по утрам в Нижний город, меся грязь и подморозь: там надстраивали стену напротив горы Мориа. Прилагая невероятные усилия, часто падая на скользких от грязи ступенях, они уже не могли делать и половины летней нормы. И так скудные пайки всё урезались день ото дня.

Когда заболела мать, Олдама стала всё настойчивее просить мужа бежать из осаждённого города.

Бежать! Хотя, теперь вы уже это знаете, беглецов из города поджидало рабство на медных рудниках или в пустынях Аравии. Так что и бежать, по сути, было уже поздно: попадёшь из огня да в полымя.

Ханна болела всё сильнее, страшный кашель разрывал её, особенно по ночам, щёки покрылись румянцем. Она истаявала на глазах. Знакомые женщины, вздыхая, судачили меж собой и вспоминали, что пожилые всё-таки легче переносят такие болезни, молодые больше терзаются от жара и даже кашляют с кровью. Что они, простые жёны каменщиков и плотников, могли понимать в болезнях и их лечении? Действуя больше по принципу «хуже не будет», чем осознанно ведя лечение, одна из соседок собрала со смоковницы, растущей тут же, во дворе, немного листьев и молодых веток с соцветиями и соплодиями,

истолкла в ступке и заварила кипятком. Олдама поила свекровь таким настоем, и кашель мучил её меньше, и даже жар спал. Но болезнь не ушла, она пожирала и пожирала жизнь: Ханна исподволь худела и слабела.

Тяжело, тягуче, преисполнившись болезнями и первым «урожаем» массового мора жителей Иерусалима, уходила госпожа-зима. На смену ей вместе с веянием теплого ветра с востока, вместе с ореховым запахом розово-белых цветов миндаля предвещала жизнь матушка-весна. Жизнь пробуждалась везде, даже в осаждённом Иерусалиме зазеленели молодой травой крыши домов.

Трава, трава! Окрест города виднелись поля и огороды. Незасеянные, они всходили клочками самосевом, кое-где уже набирали колос околки ячменя и пшеницы. Изголодавшиеся жители с великой тоской взирали на свои незасеянные участки. Но печаль их была не о том, что не смогут вкусить с них урожая, а потому, что земля бесхозно пропадает, что сады зарастают и дичают неухоженными. Потому что стосковались руки по мирному труду, потому что уходит время позднего сева проса, гороха, дынь и огурцов.

Приблизилась середина месяца Нисана (апреля). В тот страшный год в Иерусалиме чрезвычайно скромно праздновали великий праздник Пёсах. Ни кошерной, ни некошерной пищи у людей почти не было.

Насколько хватило сил, Олдама и Ханна навели в доме порядок, удалили перед праздником старую закваску (просто съели её), потом испекли мацу⁶.

В пасхальный вечер, когда стемнело, семья собралась за столом. Йосеф возблагодарил Всевышнего за избавление их из рабства, и, стоя, они ели мацу с кусочком марора — горькой травы (Ханна специально для этого случая приберегла корешок хрена). Запивали еду водой. Потом Йосеф торжественно прочитал из Торы: «А ты возгласи и скажи пред Господом, Богом твоим: арамейцем-скитальцем был отец мой и спустился в Египет, и проживал там с немногими людьми, и стал там народом великим, сильным и многочисленным. Но худо поступали с нами египтяне, и притесняли нас, и возлагали на нас работу тяжкую; и возопили мы к Господу, Богу отцов наших, и услышал Господь голос наш, и увидел бедствие наше и труды наши, и угнетение наше. И вывел нас Господь из Египта рукою сильною, и мышцею простёртою, и страхом великим, и знамениями, и чудесами».

Очень скоро закончилась та праздничная трапеза. Трапеза закончилась, но ощущение праздника так и не пришло. Да и в городе никто не пел весёлых песен в ту ночь, никто не танцевал в хороводах. Традиция в умирающем городе ещё жила, но праздника уже не было.

В течение всей зимы Йосеф никак не мог решиться — нет, не бежать: он не был трусом, и если бы пошёл, то, думаю, смог бы выбраться из города. Он не мог решиться предать Иерусалим — именно так он воспринимал бегство из родного города. Сколько Олдама ни увещевала, что ему были сказаны слова от Всевышнего, сколько ни просила за себя и за мать, Йосеф упрямо молчал. Поначалу и мать пыталась уговаривать сына. Когда

⁶ *Маца́ (опре́снок)* — безквасная тонкая лепёшка из муки и воды.

же заболела, всё больше молчала и лишь вопросительно ждала: когда он ответит, да или нет?

И вот, наконец, Йосеф решил: «Мы остаёмся, и лучше умрём вместе со Святым городом, чем предадим его бегством», — объявил он во время пасхальной вечери. Услышав решение, Ханна заплакала: «Сын мой, Йосеф-покойник, умерший при жизни!» Олдама же приняла слова мужа удивительно спокойно: «Да будет рабе господина моего по воле господина её».

Потом мать тяжело встала, принесла ещё одну миску, налила в неё солёную воду и поставила на стол рядом с первой, которую евреи ставят на пасхальный стол как символ слёз древнееврейских женщин, у которых по приказу фараона отнимали первенцев.

Слова приветствия, в этот раз впервые сказанные в завершение пасхальной вечери во многих домах иудеев: «И в будущем году — в Иерусалиме!» — в ответ вызвали лишь скорбное молчание. Все понимали, что будущего года у них уже не будет.

Не будет! И как жить с расплывшимся душой камнем такого знания? Забыться в вине? Так вина нет — есть только смердящая страхом и смертью действительность.

Рисунок 4. Потом мать тяжело встала, принесла ещё одну миску, налила в неё солёную воду как символ слёз...

Кавалерийский отряд Курди-Ашшура квартировался в семидесяти километрах севернее Иерусалима, в городе Сихеме. Вместе с ними зимовала и вдова Геула со своими мальчишками. Она по-прежнему днём помогала на обозной кухне, а по вечерам стирала солдатскую одежду. Работы было много, и по ночам часто ломило руки, раскрасневшиеся и распухшие от холодной воды и щёлока. Но сильный молодой организм справлялся легко с любой немощью. Дети тоже, хвала Всевышнему, были здоровы. И, самое главное, Геула теперь не боялась, что они помрут с голоду.

Хозяева дома, принявшие на постой вдову с детьми, сначала с осуждением восприняли то, что она работает на врагов, убивших её мужа. Но, видя, что она трудится исключительно, чтобы не быть никому в обузу и чтобы дети были сыты и одеты, смирились с её работой: ведь, в конце концов, и праотец Иосиф со всяким усердием трудился на фараона египетского, и царь Давид служил царю Гефскому, когда бежал к нему от Саула.

Дети же хозяев и вдовы сошлись и подружились очень быстро. И хотя хозяйские были старше, не обижали малышей вдовы, наоборот, защищали, как родных. Да и было интересно с ними дружить, так как пока жили в обозе с вавилонскими солдатами, малыши немного выучили аккадский язык. И второе, пожалуй, самое привлекательное для вездесущей ребятни: сыновей вдовы знали в отряде и не прогоняли, когда те вместе с друзьями просились посмотреть лошадей и, особенно, выездку боевых колесниц. Столько новых, доселе невиданных впечатлений!

Тёплая по сравнению с голодным и холодным Иерусалимом зима быстро улетучивалась вместе с тучами, плывущими на запад. Одни сезонные сельскохозяйственные работы сменялись другими. В месяце Адаре (марте) многие женщины и старшие дети вышли убирать лён. Рано утром, по росе, они рвали его руками с корнем, затем, набрав пучки, связывали снопы для сушки. Когда стебли высыхали, их свозили во дворы и, разложив, околачивали лён колотушками. На время эта работа становилась для ребятни главным развлечением. Колотушки в их руках превращались в мечи и палицы, которыми они героически срубали голову Голиафу, крушили неисчислимые полчища халдеев, сбивали на лету или, прокравшись в стан врага, ломали пучки стрел кочевников, стрелявших в защитников Иерусалима, — беспредельна детская фантазия, способная превратить даже тяжёлую однообразную работу в увлекательную игру.

С приходом весны кавалеристы получили команду возвращаться к Иерусалиму, где, как только земля немного просохла после зимних дождей, возобновили свою захватническую работу рекруты инженерных подразделений. За неделю ими была построена новая осадная башня, после чего уже никто не мог препятствовать отсыпке насыпи для подведения таранов.

Захваченных иерусалимских пленников давно, ещё в начале зимы, отправили в Вавилон. Лишь несколько человек из пленных было задействовано этой зимой в обозе, в основном, специалисты: кузнецы и плотники. Идя в поход, вавилонские кавалеристы забрали их с собой.

Оставалась Геула со своими малышами: в походе она была не нужна, продать подвернувшемуся купцу было недосуг (получен приказ выступать), да и жалко. И командир, и воины за зиму уже полюбили её за добрый нрав и умелую работу. Видя, как

она готовит пищу, как моет и скребёт походные котлы, как грациозно ходит за водой, как стирает, глядя на мальчишек, весело галдящих возле неё, суровые сердца воинов оттаивали: всплывали в памяти оставленные где-то там далеко их родные дома, их жёны и дети.

Курди-Ашшур во всём боевом снаряжении, сидя на боевом коне, подозвал пленницу к себе. Геула спешно подбежала и приложилась лбом к ноге всадника; сердечко её трепетало, как у цыплёнка: Боже Всемиловитейший, не оставь нас, как Ты и ранее хранил нас!

«Я дарую тебе свободу. Прощай!» — сказал Курди-Ашшур совсем обыденным тоном. Ни возгласов типа: «Я верю, что милость вашего Бога не оставит тебя, как она хранила до сего дня», ни: «Радуйся, благодатная!» — ничего этого не было, только: «Я дарую тебе свободу». Но эти слова, многократным эхом отразившись в её сознании, зазвучали, как гром; оглушённая женщина так и стояла, держась за ногу своего освободителя. И лишь когда он тронул своего коня с места, тихо промолвила: «Да будет рабе господина моего по воле господина её».

Геула осталась жить в Сихеме, в доме у добрых людей, приютивших их зимой. Впереди её ждала новая жизнь — какой она будет?

Осада Иерусалима продолжалась — вдовствующего, сиротствующего Иерусалима.

Никакой надежды

Йосеф, словно кукла-марионетка, безвольно болтая руками и повесив голову, скрябал по пыльной дороге с работы домой. На повороте дымились развалины дома какого-то знатного человека. Стена двора была разбита, в доме колоннада завалилась в кучу, словно кегли, сбитые метким шаром. И на вершине этой свалки, среди кострища из обломков кедровой обшивки и домашнего хлама дымился истукан Шамаша: ярко раскрашенная в красные и жёлтые цвета деревянная скульптура мужчины с длинной бородой, в высокой остроконечной шапке. Он держал в руке «пламенеющий меч» и ногой попирал стилизованное изображение огня. И меч, и руки, и голова свалившегося с крыши идола уже обгорели и превратились в черные головёшки.

«Достойная кончина бога света и огня», — беззлобно мимоходом заметил попутчик, тоже возвращавшийся с работы. Йосеф в ответ лишь грустно улыбнулся.

После Пасхи родные всё меньше и меньше общались между собой. Нет, не гнев и не обида были тому причиной, а бессилие: каждый гнулся под своей ношей боли и тяжких мыслей и не хотел переваливать даже малую часть её на других. Все держались из последних сил.

Ханна уже почти не вставала: надорвалась она, духовно надорвалась после того, как сын избрал непослушание Богу ради своего «адамовского» понимания добра и зла. Нет, мать-старушка и раньше не мечтала о бегстве из Города Погибели: похоже, думала она, ей так и суждено умереть здесь. Ханна мечтала об ещё одной ночи перед Всевышним, видящим её, какую пережила, когда убегала Геула. После того как заболела, своим умом

она уже согласилась и с тем, что сын её тоже останется — останется уже ради неё, но сердце горело словом Божиим, сердце горело той счастливой ночью на коленях в присутствии Всевышнего.

Невозможно жить по вере, не доверившись безоглядно слову Божьему, не бросившись по-детски в объятия Его благодати. Опираясь на человеческие рассуждения, жить по вере ни один из вас не сможет, даже и не пробуйте: миллиарды уже пробовали до вас — ни у кого не вышло.

Весной по городу поползли слухи, что, как было в прошлом году, когда вавилонская армия внезапно сняла осаду и ушла от Иерусалима, так будет и теперь: через месяц-другой Господь снова чудесным образом избавит их от халдеев. При этом самые убеждённые даже находили пророческое подтверждение своим словам. Они вспоминали, что когда-то некий пророк Анания из Гаваона предвещал, что через два года Бог сокрушит ярмо вавилонское и царь Навуходоносор вернёт назад сосуды дома Господня.

И люди верили. И даже князья и священники верили, хотя отлично знали, что Анания говорил тогда, десять лет назад, о царе Иехонии, что тот вернётся из вавилонского плена. И видели, что ни через два года, ни через десять лет пророчество не сбылось. Знали, что пророчество ложное, и всё равно верили, и всё равно шептались при встрече про «два года». Последняя надежда — она как соломинка для утопающего: не ищите в ней ни логики, ни даже смысла.

Седекия — царь Иудейский — тоже поддался обольщению ложной надежды, и, чтобы... нет, не удостовериться в истинности давнишнего пророчества Анании, а на всякий случай: чем чёрт не шутит (по-еврейски: некошный пошутит, чего не нашутит).

Царь тайно призвал Иеремию-пророка к себе при входе в Дом Господень и сказал: «Спрошу я у тебя нечто, не утаи от меня ни слова».

— Ведь ты убьёшь меня, если я скажу тебе, и ведь не послушаешь ты меня, если я дам тебе совет! — ответил Иеремия. Царь поклялся, что не причинит ему зла.

И сказал пророк Божий: «Так сказал Господь Бог Саваоф, Бог Израилев: если ты выйдешь к сановникам царя Вавилонского, то жива будет душа твоя, и не будет город этот сожжён огнём, и будешь жить ты и дом твой. А если не выйдешь ты к сановникам царя Вавилонского, то предан будет город этот в руки халдеям, и сожгут они его огнём, и ты не спасёшься от рук их. Если же ты не захочешь выйти, то вот что показал мне Господь. Вот, все жёны, что остались в доме царя Иудейского, выведены будут к сановникам царя Вавилонского; и скажут они: „Подстрекали тебя и одолели тебя приятели твои, а когда ноги твои увязли в грязи, они покинули тебя“. Всех жён твоих и сыновей выведут к халдеям, и ты не спасёшься от рук их, ибо схвачен будешь рукою царя Вавилонского, и из-за тебя город этот будет сожжён огнём».

В ответ царь предупредил Иеремию: «Пусть никто не узнает об этих словах твоих, дабы не умереть тебе». И оставался Иеремия во дворе стражи до тех пор, пока не был взят Иерусалим.

Йосеф тоже с жадностью впитывал слухи про два года, отмеренных Вавилону. Он считал и пересчитывал месяцы и дни от первой осады до поворота Навуходоносора против египтян, затем месяцы от возвращения и начала второй осады Иерусалима до текущего дня. И по его подсчётам получалось, что ждать уже не больше двух месяцев. Всего два месяца!

Йосеф, суетясь, размахивая руками и громко доказывая, всё говорил и говорил жене и матери о своей новой спасительной версии. Те не спорили, но их мудрое молчание словно окунало его в ледяную воду.

Голод усугублялся, ужесточался. Олдама безуспешно пыталась хоть как-то сытнее сделать тот мизерный объём ячменя, что им удавалось заработать за день на строительстве оборонительных сооружений. Зёрна они уже не мололи, а разбивали в ступке и смешивали...

Олдама, как и другие жители Иерусалима, смешивала зерна со старой половой.

Не стало половы, жители Иерусалима смешивали зерна с мелко нарезанными корнями, цветами и листьями одуванчика. Когда съели этот сорняк (некогда сорняк, а теперь ценный пищевой продукт, уважительно называемый «еврейская шапочка»), рвали чертополох и тоже толкли его листья и молодые побеги и смешивали с зёрнами. Из смесей варили супы. Насытить такие «супы», конечно, не могли, но голод на малое время утоляли. Обьевав траву, жители Иерусалима толкли кору деревьев и из этой «толчёнки», добавив перетёртых зёрен, у кого сколько было, варили варево, которое даже условно нельзя было назвать супчиком — пúтря⁷ какая-то, бурда-мурда. Но ели. Не было сил варить, ели сырым.

Мор в городе!

Мор в городе! И кто спасёт несчастный Иерусалим, если Господь Бог против него?

Иерусалим потонул в жаре, даже ночи не приносили долгожданной прохлады.

В те дни Ханна совсем слегла и уже почти ничего не ела. Нет, не специально, чтобы детям больше досталось (они ни за что не приняли бы такую жертву), а из-за болезни. Сначала у неё пропал аппетит, потом исчезло ощущение голода, и, чтобы поесть, ей уже приходилось усилием воли принуждать себя это делать, заставлять себя силой. А сил становилось всё меньше и меньше.

Был конец месяца Ияра (мая) — месяца жатвы — когда умерла Ханна.

Ханна умерла.

Йосеф и Олдама ещё страдали.

После похорон матери в доме уже не было зерна. Обессиленные, они почти не вставали и всё более и более впадали в отупелое, равнодушное состояние протрации.

Ах, эти «два года»! Эх, эти «два года»! Даже если бы было так на самом деле, то кто доживёт? Но, что самое горькое, Йосеф теперь это понимал и смиренно принял, рассказы про «два года» были всего лишь рассказами, сказкой, надувательством, бреднями для тех, про кого говорят: «Народ, вы шó, совсем?»

Надежды не стало.

Никакой надежды у люда иерусалимского уже не осталось.

Олдама

⁷ Пúтря — пойло из муки.

Надеясь купить хоть какую еду, Олдама вышла на базарную площадь у Ворот Долины. Раньше там был далеко не главный и не самый большой рынок в Иерусалиме, но был настоящий Восточный базар.

Был!

Сейчас распласталась пыльным одеялом захламлённая, почти безлюдная площадь. С одной стороны возвышались глиняные кучи — всё, что осталось от некогда красовавшихся каменных домов. В глубине полукругом охватила башни городских ворот — новая стена, подпираемая баррикадой, её построили уже во время осады.

Был торговый день, но рыночная площадь молчала. Восточный базар молчал...

Даже глухонемые не молчат, они мычат, смеются, стонут, гnevаются, наконец.

То, что было некогда Восточным базаром, погрузилось в кому.

С одного края два человека сидели, как наседки на яйцах, на своём драгоценном товаре. Они продавали куски голубиногo помёта. Да-да, на базаре продавали голубиный помёт в пищу людям. И цена его в умирающем от голода городе доходила до пяти сиклей⁸ серебра за четверть каба. Напротив «наседок» несколько личностей явно бандитского вида предлагали ослиную голову за восемьдесят сиклей серебра. Хотя, я очень сомневаюсь, что покажи какой покупатель такую большую сумму, он благополучно донесёт до дома не то, что ослиную, но и свою голову.

Олдама нерешительно приблизилась к одному из продавцов помёта, в руке потела финикийская серебряная монета⁹ — та самая монета, которую Йосеф подарил ей на свадьбе как залог своей любви. Последняя ценная вещь, которая у них осталась. Но священник, обойдя её, стал шёпотом торговаться с продавцом и вскоре купил четвертушку каба за свою священническую одежду из белого тонкого льна. Он уже выходил на прилегающую улочку, прижимая к груди грязный пакет с помётом, как из-за дома выскочили четыре подростка лет двенадцати и сбоку, с вывертом ударив сучковатой палкой по лицу, подхватили покупку и тут же исчезли.

В последние месяцы, помимо обстрелов и голода, Иерусалим постигла ещё одна беда: он безмерно страдал от бандитов. Взрослые банды действовали в основном по ночам и грабили дома знатных горожан. Грабители, как правило, убивали своих жертв, убивали безжалостно и цинично. Подразделения царской охраны патрулировали эти кварталы и довольно успешно боролись с бандитами, поймав которых тут же беспощадно карали на месте.

Но истинной напастью города стали банды беспризорных подростков. Они днём и ночью везде шныряли и воровали всё, что могли украсть. Внаглую отбирали всё, что могли отобрать. Если это было хоть чуточку съедобным, разделив, тут же пожирали без всякой предварительной обработки. Зачастую, забравшись в дом к истощённым, они, как крысы, ползали по телам и выковыривали изо рта то последнее, что те спешили съесть, увидев грабителей. Никакие мольбы, никакие угрозы о каре Господней не действовали на них, только сила. Только силу они уважали, больше того — боготворили её.

Всеобщее ожесточение сердец, всеобщее одичание, всеобщее озверение. Если до определённой меры испытания сплачивают людей, пробуждают в них лучшее, то,

⁸ Сикль серебра равнялся примерно 15 граммам.

⁹ Финикийская серебряная монета — округлая плоская отливка весом один сикль. В то время на монетах ещё не было чеканки, она появилась на рубеже V-IV вв. до н.э., при Дарии I (дарик).

переступив некую грань страданий, люди немеют сердцами: их уже не трогает вид близкой смерти, не волнует страдание ближнего (сам так же страдаю). Но горе тому человеку, который во время испытаний в страдании своём переступит черту жестокости. В мирный период ещё есть время и возможность вернуться назад, к человеческому образу. В тяжкую же военную пору ни времени, ни возможности уже нет. Преступивший черту жестокости стремительно падает от зла к ещё большему злу, от убийства к ещё более изуверскому убийству — помешательство от жестокости: кровь пьянит.

Иерусалим пребывал уже во второй и даже в третьей стадии страданий.

И жара!

Воистину, скорее бы конец. Хоть какой, но конец!

Пройдут годы, и новые поколения уже не будут знать про всё позорящее облик человеческий. Защитники Иерусалима станут былинными героями — все как один, истинными героями без страха и упрёка. И это правильно: мы имеем право гордиться своими предками и должны ими гордиться. Но тем, кто сейчас у руля жизни, нужно знать и помнить о страшном разрушении тел, и не только тел, но и душ человеческих во время войны или другой массовой беды. Знать, чтобы не допустить, а если уж пришла беда, то встать в духовный пролом: ибо ничто так не помогает выстоять, как духовная чистота вождей, и ничто так не разлагает, не разрушает в тяжкую пору, как их духовная низость, подленькие, шкурные поступки.

Олдаму пошатнуло, как будто в одно мгновение перед ней пролетело и увиденное преступление, и вся глубина понимания того, что сейчас происходит в её городе. Сначала за трудами о хлебе насущном, потом, в период безвольной прострации, её разум был зашоренным, глаза видели, но ничего не замечали, а тут прозрение! Оглушённая, ослеплённая откровением пережитого и познанного ужаса, её психика не выдержала. Это было как возвращение чувствительности раненому телу — чувствительности, а с ней вместе и боли... вплоть до болевого шока.

Она схватилась руками за голову и осела на землю. Сами по себе текли слёзы, и болит — го-ло-ва бо-лит! Боль перешла в охватившее обручем онемение головы, потом всего лица, и... чёрная пустота.

Из черноты Олдама вынырнула, именно как бы появилась из ниоткуда посреди той же самой площади, но это была другая площадь. Вовсю кипела жизнь Восточного базара. Овощные ряды. — «Подходите, попробуйте сочные дыни! Ай, мёд, а не дыни! Пробуйте, покупайте». А здесь — пирамида гранатовых яблок: посмотрите, как напилалась солнцем, покоричневела их корочка. Продавец тут же выдавливает красный сладкий сок: попробуй, нектар, истинный нектар мои гранаты! Инжир, виноград, финики — от изобилия аж дух захватывает. Пройди, Олдама, порадуй свою душу ароматом оливкового масла, ароматом миндаля. Стройными рядами стоят пузатые кувшины. О, пряности! Всеми красками и оттенками Востока играют пряности из Индии, Аравии, Эфиопии. Олдама, подойди к лавкам с улицы хлебопёков! Тут и листы пресной мацы, и лепёшки с тмином, и пирожки, и сладкие плетёнки и булочки... — Неужели, всё это правда? — Правда, ибо я наслаждаюсь этим зрелищем.

Олдама с открытыми, но видящими другой, свой мир, глазами, ловко маневрируя между «наседками» с голубиным помётом, бегала по пустой замусоренной площади и ликовала, и смеялась, и пела весёлые песни.

Потом она замерла и, как бы прислушиваясь, начала пророчествовать собирающейся уже толпе, подошедшей поглазеть на сумасшедшую: «Так сказал Господь, Бог Израилев, о домах этого города и о домах царей иудейских: они будут разрушены секирами халдеев, которые пришли воевать и наполнить дома трупами тех людей, которых поразил Я в гневе Своём и в ярости Своей. Людей города сего, от которых скрыл Я лицо Своё.

Но придёт время, и Я дам Иерусалиму исцеление и избавление, и излечу Я жителей его, и открою им обилие мира и истины. И возвращу Я пленных иудеев и пленных израильтян, и устрою Я их, как было прежде. И очищу Я их от всего греха их, которым они согрешили предо Мною, и прощу Я все грехи их, которыми грешили они предо Мною и из-за которых восстали они против Меня.

В городах Иудеи и на опустевших улицах Иерусалима ещё будет слышен голос радости и голос веселья: ликование жениха и ликование невесты, голос говорящих: „Славьте Господа Саваофа, ибо благ Господь, ибо вечна милость Его“, когда будут они приносить жертву благодарности в Доме Господнем».

Произнеся своё пророчество, женщина смутилась и, глупо хихикнув, убежала к городской стене, где забилась комочком в угол.

Толпа рассосалась, и только мальчишки, найдя новое развлечение, скакали, окружив юродивую. Она пугалась от их скачков и криков, а им было смешно. Потом стали бросать пылью, женщина щурилась, как загнанная в угол кошка, и сильнее вжималась в щель. Наконец, заметив в кулачке монету, мальчишки отобрали её и убежали.

Только на другой день Йосеф смог найти свою жену. Взял её за руку, и Олдама покорно посеменила за ним. Дома он отмыл её и уложил на ложе из старого халата, постеленного на высоком деревянном полу, вернее, на настиле шириной метра два, перекрывавшем заднюю часть комнаты. Под полом хранился плотницкий инструмент, глиняные горшки да кувшин с водой.

В том году необычайно рано, на месяц раньше срока, стали плодоносить смоковницы. И у них во дворе полусломанное, обглоданное дерево даровало четыре прекрасных почти спелых плода. На другой день — ещё, потом — ещё. Каждое утро Йосеф осматривал невысокое деревце и, к своему удивлению, всегда что-то находил, хотя вчера, кажется, собрал всё, что было пригодным в пищу. Забота о жене и это чудо-дерево вывели его из безвольного оцепенения, дали волю к жизни, а с ней и силы.

Олдама «вернулась», но только глазами своими, только ушами своими. Душа же пребывала там, в мире грёз. Она узнавала мужа и радовалась, видя его, но стоило взгляду уйти в сторону, тут же забывала о его существовании. Ни своего дома, ни покойную Ханну, ни Геулу, никого из соседок она не помнила. Имени своего тоже не помнила, но радостно отзывалась, услышав мужа, позвавшего её: «Олдама!»

Иногда она уходила из дома и бродила по улицам Иерусалима. Юродивая утешала плачущих, изредка пророчествовала вопрошавшим её. Пророчества сбывались, и люди не обижали женщину, почитая её за благословение Всевышнего.

Йосеф находил свою жену и, взяв за руку, уводил домой. Но в один день, когда он хотел, как обычно, забрать её, она выдернула руку и, упёршись, ответила, что ей нужно

стоять здесь. Ни уговоры, ни сила не действовали, юродивая вырывалась и бежала на свой перекрёсток.

Неожиданно из ворот царского дворца выступила группа всадников в дорогом боевом облачении. Олдама тенью бросилась к одному из них (стражники даже мечи не успели выхватить) и, ухватившись за ногу, стала громко пророчествовать скороговоркой: «Именем Всевышнего! За то, что ты закрыл глаза на страдания и смерть народа своего, ты увидишь страдания и смерть сыновей своих и будешь слепым до скончания дней своих!»

Охранник хотел убить дерзкую женщину, но царь, — а это был царь Седекия, — вспомнив слова Господни от пророка Иеремии: «Из-за тебя город этот будет сожжён огнём!» — мертвенно побледнел, выдернул ногу и, крикнув: «Она сумасшедшая, оставь её!» — рванул вперёд.

В тот день царь Иудейский осмотрел Навозные Ворота и велел сделать в завале проход для выхода конников наружу. Но сделать это так, чтобы жители Иерусалима ничего не узнали.

Город умер

Неистово жарил месяц Сиван (июнь). Иудеи прекратили свои ночные вылазки, даже лучники вяло изредка постреливали в копошащихся у таранов или с боевыми кликами и гиканьем скакавших вдоль городских стен халдеев. Запершись, завалив свои ворота, Могучий Город Иерусалим взирал, как враги в поте лица пробивают его крепкую стену. Неодолимо стоял Иерусалим, несмотря на то что жители его, утратив надежду, уже проиграли эту войну — в сердцах своих проиграли.

Иудеи проиграли, но халдеи ещё не выиграли: Могучий Иерусалим своими стенами встал на их пути к победе.

Мерно били два тарана, от их мощных ударов гул стоял над городом. То тут, то там горели развалины домов. Пристрелявшись на местности, вавилонские инженеры изменили тактику: теперь они били тяжёлыми снарядами (округлыми камнями) из нескольких катапульти по одной намеченной цели, как правило близко стоящим большим каменным домам в определённом квартале города, пока существенно не повреждали их, а затем забрасывали сотнями, тысячами горшков с горящей зажигательной смесью. Обломки деревянной обшивки, полов, перекрытий мгновенно превращались в мощнейшие костры, быстро переходящие в огромный единый пожар целого квартала. Воздух, извне втягивающийся в этот пожар, закручивался в огромный вихрь огня: в пламени горело всё, даже металл плавился. Через несколько часов от квартала не оставалось ничего, только обгорелая груда обломков. Тушить такие вихри огня под обстрелом катапульти (а они теперь вели обстрел россыпью камней для поражения людей) не было никакой возможности. Оставалось только плакать от бессилия и отчаяния.

Особенно эффективной такая тактика показала себя на горе Сионе, в Верхнем городе, который был наиболее густо заселён. Большая же прочность строений храма и царского дворца пока что сохраняла их от разрушения в халдейском адском пламени, пока сохраняла.

Осаждавшие особо не торопились. Они знали о своём мощном союзнике — голоде, который в месяце сиване пожирал уже не только мирных жителей, но и воинов иудейских. Поэтому халдеи спокойно, деловито били пролом в северной стене, которая хотя и была высокой, но ещё не была соединена в единый монолит с внутренней стеной, храмовой. А наскоро возведённую баррикаду, пробив кладку, недолго было и растащить.

Война, война! Где твои сомкнутые ряды копьеносцев, укрывшись за щитами которых лучники и пращники сеют смерть в рядах противника, когда он ещё только выходит на поле брани? Где же твои дерзкие фланговые атаки и охваты кавалерии, когда мастер рубака, прикрываемый сзади парой верных друзей, как нож в масло врезается в ряды противника и сечёт со свистом направо и налево, и только части тел человеческих летят и заливают кровью, нет, не его, он уже впереди, а его друзей, помощников, яростно отбивающихся от мечей и копий тех, кто растерянно-запоздало пытается удержать оборону? Но уже поздно, в образовавшийся прорыв врываются новые рубаки, круша и смешивая строй...

Нет, в Иерусалиме была другая война. Война строительного и инженерного мастерства: одни строили так, чтобы невозможно было сломать, другие старались сокрушить несокрушимые громады, разломать неломаемое. Долгая, нудная и невыносимо тяжёлая война.

Луна завершила свой цикл, наступил месяц Таммуз (июль). Вскоре под ударами большой стенобитной машины, которую сами евреи окрестили «Победителем», стена подалась. Камни, утратив монолитность, расселись и стали входить вовнутрь, теперь уже сами круша всё позади себя. Распатав и расширив пролом, вавилонские воины напряжённо ожидали приказа к штурму города.

Царь Седекия как мог организовал отпор. На внутренней храмовой стене он поставил лучников и пращников. Тяжеловооружённых копьеносцев из царской охраны во главе с их командирами он выстроил в боевые порядки справа и слева от пролома. Ополченцы поднимали на стену горшки со смолой, камни, — всё, что можно будет потом бросать в халдеев. Вместе с ополченцами трудился и плотник Йосеф. Он делал поворотную машину, чтобы сбрасывать камни весом до нескольких сот килограмм на врагов, когда они подступят к стене — благо снарядов, намётанных вавилонскими катапультами, было предостаточно.

В тяжёлых трудах, в напряжённом ожидании закончился день восьмого Таммуза. Штурма не последовало. Прошла бессонная ночь. Штурма снова не было. Девятого числа вавилонская армия построилась в боевые порядки, затрубили трубы, и... на подготовившихся к отражению атаки иудеев обрушился ураган камней из десятков катапульт. Камни в мгновение смели тех, кто был наверху, на стенах, убивали и калечили тысячи столпившихся на небольшом участке людей. Но ещё больше погибло, когда еврейские солдаты бросились обезумевшей толпой по узкому проходу между стен прочь от пролома. Люди бежали по телам упавших, спотыкались и сами падали, и уже их растаптывали напиравшие сзади. А сверху били и били камни...

Ай да Нергал-шар-уцур! Великий полководец! Ещё не начав боя, он уже выиграл его. По заслугам в Вавилоне его будут торжественно величать «Покоритель Иерусалима».

Ночью девятого Таммуза (18 июля 586 года до н.э.)¹⁰, на одиннадцатом году царствования Седекии, в Иерусалим ворвались халдеи. Отряд за отрядом воины, каждый с мечом, палицей, секирой или коротким копьём в одной руке и горящим факелом в другой, устремились по улицам города, неистово убивая всё на пути и сжигая дома вместе с запрятавшимися там людьми. Лишь с наступлением утра немного спал угар убийства. Халдеи занялись грабежом: они методично обыскивали уцелевшие дома и развалины, обшаривали трупы в поисках золота и серебра. Но даже привычные ко всему кочевники зачастую не выдерживали и выскакивали прочь, когда, вторгшись в дом за добычей, находили там целые семейства умерших от голода.

Умершие от голода... Халдеи даже представить не могли, насколько страшен в реальности их «союзник» по осаде — голодомор.

С наступлением дня в войска поступил приказ всех оставшихся в живых жителей Иерусалима согнать на внешний двор храмовой площади.

В ту страшную ночь Олдама сладко спала. Спасаясь от духоты, она вышла из дома и легла под смоковницей. Под мирный шелест листьев, окружённая ароматом цветов и плодов, она свернулась калачиком и крепко-крепко уснула. И не слышала, как ночью входили в дом захватчики, как, подняв доски, искали под полом поживу и, выругавшись, ушли восвояси, второпях бросив открытой входную дверь и даже забыв поджечь дом. Другие, видя двери настёжь, понимали, что здесь уже всё обшарено.

Утром, проснувшись и увидев над собой смокву, Олдама засмеялась, съела её и стала ходить по двору, по дому как ни в чём не бывало. Смутно она чего-то или кого-то ждала, но так и не вспомнила Йосефа, мужа своего.

Когда, ища пленников, во двор вошёл халдей, она весело засмеялась, подбежала и поклонилась ему. Видя, что женщина сумасшедшая, воин было задумался: тащить ли такую в храм? Но раз приказ был: «всех», сгрёб её за шиворот и поволок.

А Седекия, царь Иудейский! Где он был в ту страшную ночь? Почему его нигде не видно?

Как только халдеи с севера ворвались в город, он вместе с сыновьями своими, князьями своими и телохранителями сел на коней и удрал с противоположной стороны через заранее подготовленный пролом в Навозных Воротах. Легко сбив малочисленный вавилонский пост, они всю ночь скакали в сторону Иерихона. Только на следующий день их настигли кочевники-ахламеи — опытные следопыты и неутомимые всадники.

Увидев, что преследующие уже близко, царские охранники, оставив своего царя, бросились врассыпную: спасайся, кто как может!

И взяли Седекию, и скрутили его, и привели к Навуходоносору, царю Вавилонскому в город Ривлу, в земле Емаф, где он произнёс суд над ним. И заколол царь Вавилонский сыновей Седекии перед его глазами, и всех вельмож заколол перед его глазами, и первосвященника Садока, сына Сареи, заколол перед его глазами. Потом царь

¹⁰ Точная дата взятия Иерусалима неизвестна, но большинство историков считает, что город был взят в июле 586 года до н.э. Автор же, чтобы придать больше правдоподобия повествованию, волен указать дату по своему усмотрению.

Вавилонский повелел выколоть Седекии глаза и заковать в оковы, чтобы отвести его в Вавилон.

Так сбылись все слова Божии о царе Иудейском.

Иерусалимских пленников и перебежчиков, которые перешли к халдеям во время осады, Навузардан, начальник телохранителей царя Навуходоносора, отправил в Вавилон.

В числе пленников, навсегда покидавших родину, был и Эвэд-Мэлэх. Раненый, он только на другой день очнулся и вылез из-под груды тел солдат, раздавленных во время бегства от каменного урагана халдейских катапульт. На этапе они держались вместе с пророком Иеремией. Но вскоре пришёл приказ от Навузардана: Иеремию взять из среды пленников и со всяческим вниманием и охраной вернуть назад в Иерусалим.

Посадив пророка Иеремию на колесницу, Курди-Ашшур с тремя всадниками (его отряд был в числе конвоя) заботливо повёз его назад.

Во время штурма Иерусалима он со своим кавалерийским отрядом стоял на горе Мориа, напротив Нижнего города. Видя, как волнами проплывали с севера на юг по городу огни их армии, они, молодые воины, горячились и сожалели, что не пришлось участвовать в сражении, ставящем победную точку в долгой войне.

В дороге, узнав, что Иеремия и есть тот самый пророк, о котором рассказывала Геула, Курди-Ашшур много и с интересом расспрашивал его (спрашивать у гостя, пользующегося благосклонностью самого царя, не унижало его офицерского достоинства, — это не то что какая-то пленница). Офицер спрашивал о Боге иудеев, о том, почему Он прогневался на народ Свой за то, что они чтут иных богов, ведь их вавилонские боги не только не гnevаются, а часто сами дружат друг с другом и даже находятся в родстве.

Отвечая на вопросы, пророк Божий как-то заметил: «Вот ты печалишься, что той ночью не убил ни одного врага. Пройдет время, и ты увидишь, что и на войне есть поражение врага и убийства, есть захват добычи и грабежи. Увидишь и ещё возблаговаришь Господа за то, что Он сохранил душу твою в чистоте. Знай же, что сохранил Он её ради дочери Иерусалима и детей её, которым ты явил милость».

По прибытии в Иерусалим Навузардан с уважением принял пророка Божьего и спросил его, где он пожелает жить. Иеремия избрал остаться в своей несчастной стране, и плакал о нечестии народа, и молился Господу своему о немногих живущих в Иудее — опустелой, вымершей стране.

Некоторых бедняков-евреев, которые ничего не имели, Навузардан оставил на родине ухаживать за виноградниками и полями. Вместе с ними осталась и Олдама. Со временем разум её просветлел, она вспомнила про мужа своего и про свекровь свою, но не могла вспомнить, почему их теперь нет, ибо период осады Иерусалима навсегда остался в её памяти под покровом забвения. Если же кто заговаривал о бывшей войне, внимание её уходило и рассеивалось.

Спустя месяц по приказу царя Вавилонского Навузардан начал планомерное разрушение и сожжение храма, и царского дворца, и крепостных стен, и всего Иерусалима.

Вскоре от города — гордости Иудеев — остались лишь кучи сгоревшего мусора, глины и камней.

Город умер, нечестивый город Иерусалим умер.

Умер, чтобы возродиться вновь, но уже возродиться городом Спасителя, Мессии Израиля — святым городом Иерусалимом.

РАССКАЗЫ

Войнушка

Нет более тяжкого преступления,
чем ненужная война.
Лион Фейхтвангер

Мы, собирающаяся со всей улицы ватага ребятишек и девчонок от восьми до двенадцати лет, вот уже вторую неделю с упоением играли в войнушку в заброшенном доме без крыши. Постоянных «армий» у нас не было, а каждый раз перед началом игры командиры выбирали, кто с кем будет. Разделившись на пары примерно одинакового возраста, в сторонке мы загадывали, кто будет левым, а кто правым кулаком. Затем подходили и загадывающий спрашивал: «Какая рука?»

— Эта! — ударив по кулаку, отвечал один из командиров.

Кто выпал по жребия, шёл в команду.

Одна команда защищала дом, другая нападала. Читателям, думающим, что обороняться за стенами легче, чем атаковать снаружи, скажу: это совсем не так. Оборонять полуразрушенный, без крыши, дом было гораздо труднее. Дело в том, что с одной стороны подступали густые заросли смородины, за которыми росли старые клёны и тополя. С другой стороны стояла почти целая банька, у которой не было только дверей, но и окошек, да и нескольких досок в крыше — идеальное место для обстрела дома. А с третьей стороны — завалившийся погреб и дальше посадки картофеля. И кругом — заросли бурьяна, высоких лопухов да дикой конопли. Всё это создавало идеальные условия для того, чтобы подкрадываться и стрелять по оборонявшимся.

Да, ещё нужно рассказать про оружие. Мы были уже большими (по крайней мере, так о себе думали), чтобы просто бегать с игрушечными автоматами и пистолетами и громко «та-та-такать». Поэтому у каждого из нас было самодельное ружьё, выпиленное из деревянной лопасти от жатки комбайна. Стреляло ружьё с помощью «авиационной» резинки (от резиномотора модели самолёта) пулями, накусанными и выгнутыми из алюминиевой проволоки. На близком расстоянии стреляли такими же пулями из рогатки с «авиационной» резинкой. В кого попала пуля, тот считался убитым.

В одном из «боёв» обороняющиеся поменяли обычную тактику и ещё раньше напали на нападавших. Победа была почти мгновенной: застигнутые врасплох противники были «убиты» — и те, кто ещё даже не успел спуститься в погреб, и сидевшие под клёнами. Осталась только наша троица: Саня, я да ещё маленький Сашка. Мы успели влезть на чердак баньки.

Получилось так, что мы, нападающие, теперь сами оказались осаждёнными со всех сторон. Благо банька крепкая, и нам было достаточно следить за дверным проёмом да проломом в крыше. Влезть же на крышу было довольно сложно, только если взобраться по углу сруба. Но преимущества нашей позиции, в силу численного превосходства, оказались больше на руку противнику, чем нам. Они непрерывно почти в упор стреляли по щели на крыше и через дверь, по лазу на чердак. Вскоре нас осталось уже двое. В Саню попали, когда он высунулся подбить одного стрелка, вызываясь открыто стоявшего метрах в пяти от баньки и непрерывно пулявшего из рогатки (и откуда у него столько пулек?). Потом на чердак полетели «гранаты». Вчера на мусорную кучу возле «нашего дома» кто-то из взрослых выбросил несколько гусиных «болтунов» — протухших яиц. И одна девчонка нашла эти «болтуны» и забросала ими крышу, попав и на чердак. Разбиваясь, они брызгали во все стороны неимоверно вонючей тухлой жижей. Одним из яиц забрызгало спину маленькому Сашке, другое разбилось рядом со мной, изобильно обдав содержимым штанину.

После этого ни о какой игре никто из ребят уже не думал, а мы с Сашкой, задыхаясь от вони, побежали домой отмываться и отстирывать. Помню, как бежал рядом со мной восьмилетний парнишка и плакал от нестерпимой вони, пропитавшей насквозь рубашку, а ещё больше от обиды.

Дома, возле бочки, я разделся, и раз за разом намыливался большим куском хозяйственного мыла и омывался, и стирал и перестирывал штаны. Но тухлая вонь всё не уходила — она стояла эхом моей памяти, насыщая смертоносным запахом окружающий воздух.

Тогда я, пусть ещё по-детски, познал, буквально почувствовал, что война состоит не только из весёлой романтики и героических подвигов, как привык это видеть в фильмах и читать в книжках. Что соприкосновение — любое соприкосновение с настоящей войной погружает вас в пот, грязь и... вонь. Это уже потом, когда всё будет позади, когда участники отмоются, отчистятся и украсят себя знаками отличия, тогда может и будут рассказы о пережитом в ореоле романтики и героизма.

И ещё я понял, что если даже в игре в войнушку выигрывает тот, кто поступает хитрее и злее, то, тем более иначе невозможно выиграть войну, даже если воюешь за справедливость.

То была всего лишь детская игра...

Главный экзамен

Шёл застойный-презастойный семьдесят девятый год. Весна. Май. Тёплые, солнечные, почти летние дни, а мы сдаём школьные выпускные экзамены.

Наша троица друзей — Юра, Володя и я — договорилась перед сочинением собраться в лесочке, который молодо зеленел на окраине деревни, и там вместе готовиться к экзамену, или не готовиться — как получится.¹¹

На консультации нам сообщили, что сочинение нужно будет написать на одну из пяти тем по выбору. Три темы будут по изучаемым в школе произведениям художественной литературы и две произвольные, но по указанной на экзамене теме. Так что, хотя и казалось, что выбор большой, на самом деле не очень-то разойдётся.

В лесу мы собрались ближе к вечеру. Развели костёр. Младший Юрин брат, Андрей, сбегал за картошкой, хлебом и солью. Напечём картошки — и сидеть можно хоть до утра.

Тепло. Потрескивал костёр. Язычки пламени, едва коснувшись горящих сухих веток, словно обжёгшись, подскакивали вверх. Дым разгонял комаров, которые, возмущаясь, пищали вокруг.

Быстро обсудив, на какие темы лучше будет писать сочинение, мы стали мечтать: «Вот если бы можно было писать сочинения не на обязательные по программе темы, типа „Катерина — луч света“, а о чём хочешь... Тогда бы мы могли много о чём рассказать».

— Хотя, — задумавшись, возразил Юра, — сейчас, когда уже окончили школу, мы легко можем рассуждать и делать выводы. А в шестом классе, например, о чём бы ты написал сочинение? — О Незнайке на Луне или о Зверобое и Чингачгукке. Несмотря на то, что тема была бы другая, в принципе это было бы такое же сочинение, что и про Катерину: «Луч света в тёмном царстве».

— Почему?! — как искра из костра, выстрелил я. — Да ты только вспомни, сколько всего интересного, сколько приключений было в нашей жизни в шестом и седьмом классах! Помнишь, как мы сделали «Гранату», а потом ходили испытывать? А как Андрюха первый раз на охоту ходил? А как в большой деревенской луже «паромщиками» работали? А как Володя на мопеде на кривую берёзу заехал? А про лыжную эстафету, как соревновались с соседней улицей? Вспомни, сколько раз мы ездили рыбалку. Много о чём можно было бы тогда рассказать. У каждого в классе были свои приключения, свои истории, и если бы каждый — ну, пусть не каждый, а хотя бы человек пять-семь — вместо традиционных и забитых штампами сочинений рассказали о своих маленьких приключениях, насколько разнообразнее и интереснее стали бы у нас сочинения. Там, глядишь, и учителя литературы в свободное время начали бы сочинять разные рассказы.

— Вот ты вспомнил о «Гранате», — поймал меня на слове Юра (он был горазд не только на разные выдумки, но и любил подколлоть собеседника). — Допустим, ты написал бы сочинение о том, как мы делали «Гранату», — другим какая польза от такого сочинения? Никакой, только вред и искушение.

— Это плохая тема, — согласился я. — Но ведь много было и других, хороших.

¹¹ Рассказчик и его друзья — вымышленные герои. Но я уверен, что такие ребята не только могли быть, но обязательно жили в те уже далёкие времена, и жизнь их была не менее богата приключениями, чем у героев моего рассказа.

— Ага, сдался! Вот мы и вернулись на круги своя, что легче и лучше всё-таки писать по школьной программе или о том, как летом помогали маме, — не столько с радостью, сколько с огорчением подвёл итог нашим мечтам Юра.

— Эх, мечтать так мечтать! — подбросил последнюю веточку надежды в угасающий костерок мечты Володя. — Представляете, мы читаем книжку нашей Валентины Ивановны!..

Костёр догорел. Мы зарыли в горячие угли картошку и сверху набросали новых веток. Огонь снова разгорелся и осветил нашу полянку — уже осветил, потому что подступила ночь.

В ту ночь мы разговаривали, вспоминали и мечтали. Не о будущем мечтали, как обычно пишут в газетных заметках про выпускников, а больше вспоминали о прошлом — об ушедшем беззаботном детстве, — как бы подводя итоги пройденного. А неведомое будущее — оно одновременно и влекло и страшило. Влекло необъятностью, а страшило новыми заботами.

Картошка спеклась, и мы её горячую выкатывали из золы, слегка очищали щепкой, разламывали, посыпали солью и ели, кто с хлебом, а кто и так.

Незаметно прошла ночь, тьма съёжилась и перекочевала к западу, а на востоке небо уже развиднелось. Из-за горизонта лениво поднималось большое солнце. Закрапал дождик, как бы поторапливая нас и напоминая, что сегодня экзамен.

Дома, умывшись, переодевшись, неспешно попив чаю, мы направились в школу. Пошли сдавать свои последние экзамены детства.

Сдаться, то я сдался, но Юрин вопрос: «Чему доброму научила нас история с „Гранатой“?» — как гвоздь сидел в голове. И тут мелькнул яркий луч прозрения, что всё в своей жизни мы познаём в сравнении. Через сравнение последствий своих и чужих поступков мы познаём добро и зло. Значит, рассказывать нужно не только о добрых и героических делах, но и об ошибках, просчётах и их последствиях. После этого рассказ о том, как мы делали «Гранату», писать стало легко и радостно.

Написав сочинение «на абсолютно свободную тему», я отправил его в письмах своим друзьям. А теперь, спустя много лет, решил предать и на ваш суд, уважаемые читатели.

Итак, читайте и вспоминайте свои уроки детства!

В шестом классе уроки физики пробудили в нас прямо разрушительную творческую энергию. Хватит играть в детские игрушки, пора делать что-нибудь взрослое. И под «взрослым» не придумали ничего лучшего, как разные взрывательно-стрелятельные штучки. Этой «эпидемией» в то время болели все мальчишки нашего класса. Чего только и где только мы не взрывали.

В магазинах тогда можно было купить только детские хлопушки, выстреливающие конфетти, бенгальские огни да пистоны, поэтому нам самим приходилось придумывать и делать из подручных средств свои, как мы тогда считали, взрослые игрушки.

Зачем мы это делали?

— Да просто чтобы бабахало погромче!

Примерно через полгода, когда «эпидемия» начала угасать, у нас, — троицы друзей, — появилась идея сделать такую штуку, чтобы взрыв был не просто громким, а ещё и с пламенем. В тот же день после уроков мы засели за разработку своего устройства: сначала придумали принципиальную схему, потом нарисовали рабочий эскиз. За три дня сделали свою «Гранату» — так мы её называли. Осталось только испытать.

В нашей деревне в доме напротив автобусной остановки жила Федчиха. Она была из той категории женщин, которая, сколько мы помнили, всегда оставалась в одной поре и всегда — и зимой и летом — ходила в одной одежде. Все звали её Федчихой — не бабушкой Федчихой, а просто Федчихой. С ней и случился трагикомический случай во время наших испытаний.

Чтобы испытать своё изделие, мы пошли на деревенскую свалку, нашли там подходящее место, где рядом с мусорной кучей было надёжное укрытие. Чтобы взрыв и пожар смотрелись эффектней, засунули «Гранату» под мусор, подожгли фитиль и спрятались за обломком бетонной плиты. Прошло пять секунд, десять, минута — ничего. Посмотрели, а фитиль — он тоже был самодельный — потух в месте перегиба у самого входа внутрь.

Решили бросить в костёр, благо их на свалке всегда много горит. И только спрятались за кучу, смотрим: в сторону нашего костра по тропинке чапает Федчиха — она тут сухие деревяшки подбирала, чтобы зимой было чем печь растапливать. А наша конструкция, зараза, лежит в костре и не взрывается.

Сидим мы за мусорной кучей, и за бабку страшно, и боимся, что только высунемся — наша «Граната» взорвётся — мало того, что камнями да щепками может посечь, ещё и от родителей дома попадёт.

Не дошла Федчиха шагов двадцать или тридцать — «Граната» как ухнет. Брызги от костра во все стороны, а бабулька как делала шаг, на ходу, словно циркуль, повернула на сто восемьдесят градусов и как рванёт со свалки между кучами мусора, ну точно как в мультиках человечки уносятся: др-р-р-р.

Когда всё утихло, мы выбрались из своего укрытия, осмотрели место взрыва и остались довольны результатом своего творчества. Потом пошли домой. Возвращаясь, как вспомним, как бабулька убегала, кто-нибудь из нас как покажет, как она циркулем вертелась или семенила, убегая, так все и прыснем со смеху. Нет, умом-то мы отлично понимали, что нельзя смеяться над пожилым человеком, но эмоции не всегда подчиняются уму.

Федчиха пожаловалась на нас директору школы. Тот вызвал родителей, и с тех пор у нас не было доступа к пороху, а после отцовского внушения уже не очень-то и хотелось делать что-то взрывательное. Да и не только из-за внушения, у нас у самих пропал интерес к этой теме. В том, что можем сделать, мы убедились, чего ещё больше? Тем более что вскоре мы нашли себе другое увлечение, потом ещё, ещё...

Вот так, дорогие читатели, взрослые и дети, мы изобретали-изобретали, делали-делали и... делов наделали.

А теперь, в противовес первой, расскажу другую историю из нашего детского творчества. Историю, которая не только нас порадовала своим результатом, но и другим послужила во благо.

Итак, история о том, как мы работали «паромщиками».

Вдохновлённая беспредельным горизонтом, наша деревня раскинулась в степи широко, просторно, и не количеством домов, не числом жителей, а огородами и расстояниями между улицами. На зиму многие жители у нас снимают с огородов заборы и делают из них полосы снегозадержания, чтобы во время снежных буранов снег накапливался на их участках, а не наметал непроходимые завалы на улицах. Когда приходила весна, тающий под жаркими лучами солнца снег устремлялся звонкими ручейками в низкие места. Так каждый год у нас в деревне между двумя крайними улицами возрождалась большая лужа, призывно блестящая под солнцем на радость окрестным гусям и уткам. Она одна была такая большая, что имела своё название — Большая лужа.

Пролёты от заборов, которые хозяева на зиму снимали для снегозадержания, в это время стояли посреди огородов без надобности. Видя такое расточительное отношение к ним, Володя с Юрой придумали сделать из них плот, чтобы переправляться через эту лужу. Своей затеей друзья поделились со мной, но я был в эти дни занят: мы с отцом перестилали крышу на доме, поэтому делать плот они пошли вдвоём. Взяв из ближнего огорода пять пролётов, они собрали из них отличный плот. По-видимому, взяли с разрешения хозяев, потому что взрослые никого не ругали и плот назад не забрали.

Собрать такой плот — минутное дело. Сложили пару пролётов штакетинами навстречу, на них другую пару уложили и сверху ещё пролёт штакетником кверху. Перевязали собранную конструкцию по углам бельевой верёвкой, и плот готов. Можно отправляться в «дальнее плавание» от одной улицы до другой.

Увидеть плот и прокатиться на нём у меня получилось только в субботу, когда мы с папой пошли в баню. В нашей деревне недавно построили новую, большую, с буфетом, в котором можно было купить квас, газированную воду и булочки к напиткам. А иногда буфетчица ставила большой самовар, и любой после того, как попарился, мог побаловаться горячим чайком. Но многие из тех, у кого не было своей баньки, предпочитали ходить в старую, маленькую, по-домашнему уютную баню. В ней, пока ждали очереди, между посетителями, кажется, сами собой зарождались беседы и звучали разные весёлые байки. Мой отец тоже любил ходить в старую баню.

И вот идём мы, а лужа уже успела настолько разлиться, что ни с какой стороны не обойдёшь.

«Видно, придётся обходить через квартал, почти полкилометра», — как бы размышляя сам с собой, сказал папа. И тут вижу, от другого берега отошёл плот и кто-то не торопясь стал приближаться к нам. Это Юра, отталкиваясь от дна тонкой жердиной, плыл нам на встречу. Когда «паром» причалил, мы перебрались на нём на другую сторону. Приятно: и на плоту поплавали, и, причалив, тут же оказались на улице, за которой, как раз напротив, стояла старая баня.

Так мы и «работали» по очереди паромщиками на Большой луже. А иногда и все втроём после уроков спешили покататься на плоту. Иногда желающих прокатиться по луже набиралась целая ватага. Ожидая своей очереди, с гиканьем и насмешками встречали тех, кто оступился или, хуже того, выпустил из рук палку, которой отталкивался от дна. А если кто свалится в лужу, тут смеха было...

Наш плот стал не только полезным транспортным средством для переправы на другую улицу, но и весёлой весенней забавой для ребят и девчонок из окрестных домов.

Всё-таки приятно осознавать, что сделали добрую вещь. Как сказал герой одной сказки: «Мы строили, строили и наконец построили! Да здравствуем мы, ура!»

Через месяц снег везде сошёл, даже самые большие сугробы растаяли. Земля подсохла, и на огородах начали сажать овощи. Хозяин штакетника разобрал плот и восстановил свой забор, который будет стоять до следующей зимы. Большая лужа тоже за месяц сильно уменьшилась. Её уже без проблем обходили по краю, вдоль забора, даже тропинку вытоптали.

Вот такой у меня получился ответ на Юрин вопрос: «Чему доброму может научить читателей история с „Гранатой“?» Сама по себе эта история ничему доброму не учит, но если её рассказать в паре с другой, принёсшей не только внутреннее удовлетворение создателям, но и пользу, даже радость другим, тогда будет польза. В сравнении мы познаём, насколько греховные дела греховны и добрые дела добры. Только в сравнении!

Когда сдавали школьные выпускные экзамены, мы тогда не знали, что в следующий раз соберётся втроём вот так, у костра, сможем только через три года, и не весной, а уже ближе к осени. Не знали, что снова так же просидим до утра и снова будем разговаривать о прожитом и пережитом. Потому что один из нас за это время пройдёт через войну — одну из тех войн, о которых тогда не писали в газетах, но на которых погибали наши солдаты. Позже ветераны этой войны будут носить почётное звание — воин-интернационалист. Второго забросит судьба в дикую пустыню: он будет проходить службу на границе и вернётся домой старшиной погранзаставы. А третий в эти годы будет учиться в техническом вузе в одном из красивейших городов страны — Ленинграде. И в этот раз мы уже не будем горячиться и спорить, а будем слушать друг друга, осознав, что помимо школьных выпускных экзаменов есть ещё один, пожалуй, самый главный экзамен — на право называться взрослым человеком. И оценки на этом экзамене выставляют не школьные учителя, а наша последующая жизнь.

А детство, переживаемые нами приключения и испытания были уроками, которые готовили нас к сдаче своего главного экзамена, чтобы быть достойными взрослыми людьми.

В чём сила, земляк?

Сутки в поезде, потом одиннадцать часов тряски в автобусе, четыре часа ожидания ночью в замызганном и гулком из-за пустоты, прозябшем здании автовокзала, после этого ещё два часа езды в чихавшем, периодически глохнувшем стареньком ПАЗике, и вот, наконец, мы с сыном, Ваней, в моём родном селе, Антоновка.

Приехали!

Великая тайна сокрыта в малой родине: только вдохнешь её атмосферу, окинешь взглядом, и затрепетало, защемило, наполнилось сердце радостью встречи с далёким детством.

Стоим мы с Ваней, оглядываемся кругом... да-а-а, постарело родное село, посерело облезшей краской, но стоит, не превращается в руины. Стоит!

Сразу же за остановкой в утреннем солнце отсвечивает остатками желтизны бывший сельский магазин, ныне превратившийся в наглядный памятник разрухи постсоветских лет. Но, хотя крыша его и обвалилась, оконные и дверные проёмы аккуратно заколочены листами железа (удивительно, где местные власти взяли листовое железо, а ещё удивительнее, почему его до сих пор не спёрли).

Если провести аналогию с временами года, то я бы сравнил состояние, в котором находится Антоновка, не с лютой зимой с её безысходностью, а с ранней весной, когда хотя вокруг ещё и мёртво, и голодно, но в воздухе уже витает пробуждающаяся великая сила жизни. Откуда в этом, на первый взгляд обычном селе, такая сила жизни? Почему коренные жители, в каких бы крупных городах они ни жили, в какие бы богатые страны ни забросила их судьба, с внутренним теплом и гордостью величают себя антоновцами?

Кивнув на развалины магазина, я как бы мимоходом проронил: «Это был „Большой магазин“, здесь с одной стороны продавали ткани и одежду, а с другой — книжки и игрушки». Спроси, почему начал рассказывать сыну про этот магазин — не отвечу, наверное, утомление от дороги и радостное волнение от встречи с родными местами побуждали говорить, говорить, говорить... По дороге к родительскому дому я всё время о чём-то рассказывал, разъяснял, а сын слушал — степенно так слушал.

— Когда привозили учебники, на другой день мы, школьники средних и старших классов, магазин брали штурмом. Ещё до открытия собиралась такая толпа, что как-то раз в толчее один парнишка даже потерял сознание.

— А зачем? — спросил Ваня. По возрасту он ещё оголец, но уже солидно рассуждающий человек.

— А кто его знает зачем? — до меня вдруг дошла вся абсурдность нашего поведения, ведь учебников всем хватало. Наверное, так покупать было веселее, чем степенно выстраиваясь в очередь. Да и после такого штурма было о чём вспомнить, хотя бы об оторванных пуговицах или: «А мы вдвоём как упёрлись ногами в косяк, как даванули...»

Это обелиск в память о погибших в Великую Отечественную войну: на Девятое мая здесь собиралось всё село, из вывешенного на клубе динамика звучала музыка, возлагали венки — в общем, всё как положено. Кстати, у нас был очень хороший клуб, один год он

занимал по кинопрокату второе место в области среди сельских клубов. Жаль, что теперь и от него остались лишь стены.

А это наша школа: её построили в год, когда я пошёл в первый класс. Какая она маленькая! А тогда казалась громадной. А вон те деревья мы сажали, смотри, какие они стали за четверть века!

Вспоминая и разговаривая, мы не заметили, как подошли к крайней улице, а там и родительский дом.

Встреча, радостная суета, потом приготовление завтрака.

«Коля, сбегай нарви луку», — велит мне мама. Она сдаёт в последнее время: годы, да и здоровье не очень.

В том году весна выдалась ранняя да тёплая, так что многолетний лук к началу мая можно уже срывать к столу.

Завтрак: варёная картошка с лучком, чай с карамельками. Хорошо, что в селе построили пекарню, и отец, как и остальные работники совхоза, получает там хлеб.

Только позавтракали и подмели двор, пришла тётъ Шура, мамина подруга. У неё затопило погреб, и мы все пошли помогать доставать картофель и банки с соленьями. Работа не-хитрая и не-пыльная, вот только вода, — зараза, — мокрая и холодная. Мы с отцом по очереди лазили в погреб и доставали картошку: один в погребе шурует, а другой на солнышке отогревается, потом наоборот. Ваня же с бабой Шурой относили вёдра и рассыпали картофель на пологе, для просушки и чтобы согрелся перед посадкой.

Погреб в Антоновке стало подтапливать во время весеннего паводка, после того как между селом и расположенным рядом озером проложили в земле трубу большого диаметра для подачи воды с реки Иртыш до... А кто его знает, куда они успели проложить трубу. Вышло, как обычно: вместе с трубой «закопали» кучу денег, а воды, по сути, так и не дали, зато нарушили водный режим почвы. Эх! Молодцы!

Картофель достали, а тут и обед подоспел. Пока мы занимались во дворе, мама кухарила у газовой плиты — сварила суп с клёцками. Но я вспомнил про обед не из-за супа, а из-за вроде незначительного, но много говорящего для меня эпизода. Когда сели за стол, так как я в этот момент снимал на камеру, попросил сына, чтобы он поблагодарил Господа за хлеб сей насущный. Пока он читал молитву, много пожившие и много повидавшие на своём веку люди с великим вниманием и почтением слушали, и чувствовалось, что сердцами поддерживали слова благодарения. В конце тётъ Шура даже вздохнула: «Видите! Уже знает, а мы жизнь прожили, и ни бум-бум».

Расскажу о её доме. Снаружи дом как дом, а зайдёшь внутрь — и раскроется его самобытность. Уже двор выдаёт: вон на стене висит коса, а на другой коромысло, а лавка — ведь это настоящая скамья из хаты. Между воротами и лавкой притулились санки — старинная работа сельского кузнеца. Металлические полозья, каркас со спинкой, спинка украшена коваными завитушками: всё прочно и в то же время изящно. На таких санках и с горки катались, и воду возили по две фляги — ничего им не делается.

Но бúde топтаться у порога, рассматривая серпы, «летучую мышь» и всякий другой инвентарь, пройдёте в дом. Печка — ну, этим сельских жителей не удивишь. А у бабы Шуры русская печь — слабо?! А чугунок когда последний раз вы видели, чтобы его использовали при приготовлении пищи? А старинные металлические кровати, покрытые покрывалами с вручную вязаной каймой с традиционными рисунками? И, повторяю, это всё не музейные экспонаты, а рабочие вещи, которыми хозяйка пользуется в обиходе, —

пользуется так же обыденно, как телевизором, стоящим тут же. Такое удивительно гармоничное сочетание старинного и современного создаёт ощущение удобства и тихого уюта в доме, а ещё внутреннее ощущение стабильности и преемственности.

Откуда это ощущение? Может, от старинных вещей? Но зайдите в любой музей, — там много старинных вещей — разве там чувствуется стабильность и преемственность, а тем более уют? Нет.

Значит, дело не в доме и не в вещах. Какой бы ни был дом, сам по себе он души не имеет и не запечатлется в сердце теплом и уютом. Уют исходит от хозяйки дома, от её отточенной неторопливости движений, и в то же время любая работа у неё спорится, смотришь со стороны, кажется, что дело делается как - бы само собой. Баба Шура — её певучий голос, искринки в улыбающихся глазах... Да воспетые Некрасовым женщины-крестьянки с их внешним смирением и обречённым трудолюбием ни в какое сравнение не идут с её ненавязчивой интеллигентностью, мудростью, внутренним самоуважением много пережившего и ещё больше простившего человека. Можно подделать доброту, можно имитировать даже смирение, но интеллигентность души невозможно.

Неброская, по-деревенски самобытная интеллигентность души многих антоновцев — может, в этом духовная сила нашего села?

Верна пословица: «Не стоит село без праведника», но, с другой стороны, на одной ноге даже скамейка не устоит, знать, есть ещё силы — сокровенные внутренние силы, которыми устояла в трудные постсоветские годы Антоновка.

После обеда родители пошли домой, а мы с сыном спустились в «Долыну», благо она была рядом, сразу за огородом. Ваня проковырял ножом дырочку в берёзе, и мы попробовали сок. Замазав отверстие глиной, пошли на насыпь: с неё лучше вид на... Не знаю даже, как назвать это вместилище весенних вод: озерцом не назовёшь, большой лужей язык не поворачивается назвать такое большое вместилище чистой воды, долина — точное название. Поверхность её при малейшем дуновении ветерка покрывается рябью бегущих волн.

«Видишь, сквозь воду темнеют круглые ямы? Раньше в них летом месили саман, глину с соломой, и делали из него кирпичи — здесь много домов построено из таких кирпичей: дёшево, быстро и зимой тепло», — начал я очередное воспоминание.

«Когда я был примерно твоего возраста, разок пришлось здесь зимой искупаться. Пошли мы, — человек пять или шесть, не помню, проверять, крепкий ли лёд. Попробовали у берега, попрыгали — держит, дальше — тоже держит, а на середине, там, где была вырыта яма и было глубоко, провалились. Вместе с нами была маленькая девчушка, которая увязалась за своим братом, и пришлось её взять с собой, она тоже оказалась рядом и ушла в воду, да так, что с головой засосало под лёд. Благо, провалившись, мы доставали до дна и, ухватив её за пальтишко, вытащили. Я уже и не помню, как вылезли из той полыньи (был в шоке от „купания“), тут же побежали в ближайший дом отогреться и сушиться. Баба Маша, к которой мы прибежали, тех, кто промок, загнала на печку греться, потом, пока сохла одежда, всех напоила чаем с травами и вареньем. Кажется, тогда обошлось без последствий».

И был вечер, и было утро — наступил день второй.

Второй день посвятили весенним заботам. Я навешивал и приводил в порядок шпакетник, а Ваня с дедом сколотили раму для рассады — дело нехитрое, но аккуратность и тут нужна. Потом мы трое вскапывали палисадник, а бабушка занималась посадкой цветов.

Когда вскапывали, насобирали дождевых червяков — куриный деликатес. Одна курица была совсем ручная, так что Ваня, — сугубо городской житель, — развлёкся тем, что подержал на коленях живую курицу и покормил её с руки.

Ближе к вечеру пошли на посиделки к соседям: дяде Васе и тётке Гале (в деревне вообще мало молодёжи осталось, а на окраине и подавно одни старики).

Раньше, в шестидесятые годы соседи, собирались у деда Кондрата и бабы Нади — родителей дяди Васи: у них был сепаратор, и все по очереди перегоняли молоко. Телевизоров тогда в деревне не было, поэтому вечера проходили весело: те, кто уже перегнал молоко, не спешили домой, а беседовали, мужики играли в дурачка. Кто-нибудь как завернёт байку или вспомнит случай из жизни, все и покатытся со смеху. Раньше, представляете, сидя за столом, частенько пели песни — я такие по радио никогда не слышал. Сейчас, к сожалению, всё это бесследно утрачено, — целый культурный пласт.

Нас, малышню, чтобы не путались под ногами, загоняли на лежанку русской печи, и мы сверху наблюдали и с жадностью впитывали — нет, не рассказы: слова со временем забываются, а дух той культуры.

Итак, я с двумя Иванами, дедом и внуком, у соседей; хотя слово «соседи» звучит формально, не отражает душевной близости, существующей между нами. Разве подходит слово «сосед» к тому, кто в детстве кормил тебя кашкой, с кем жил бок о бок, а потом, когда я уехал учиться, встречал и провожал? Точнее будет слово «родные».

Объятия, подарки, расспросы... Потом разговор перекинулся на современную жизнь; кто-то сравнил с прошлым — нет, не ради выяснения, когда было хуже или лучше, а само так получилось. Вспомнили — взгрустнули, взгрустнули — разговор сам собой угас...

Чтобы поднять настроение, тётя Галя рассказала, как они «обмывали» шубу. — Её дядя жил в городе и сумел купить шубу — вещь редчайшую в деревне в шестидесятые годы.

— Баба Поля, баба Надя, Коломейчиха и ещё соседки собрались «обмыть» и оценить, — начала она рассказ. Подывылысь, похвалили, «обмыли», а потом одна надинэ шубу и выходэ посеред хаты и пританцовуе красуется, потом друга одевае и тоже на середину хаты... Я им кажу: вы шубу порвёте, и поносить не успею. Вот им интересно было! — тётя Галя, — радушная, гостеприимная хозяйка, — рассказывает заразительно весело. Её речь — это характерный для многих антоновцев сплав русского и украинского языка. Именно сплав, в котором незаметно переходов с одного языка на другой; только у одних больше русской составляющей, у других больше украинской составляющей.

Почин был подхвачен, и покатилося воспоминание за воспоминанием, байка за байкой, только чайник успевай кипятить.

— А как дед Кондрат вас с Сашей (их сыном) вишнями накормил, помните? — подхватил беседу дядя Вася. Дядя Вася — это уже другой тип рассказчика: смотришь на него, так и кажется, что сейчас подмигнет и выдаст прибаутку, типа: «Подмигнули ей лукаво, где б найти к вам переправу...» Они и внешне выглядят под стать своим характерам: тётя Галя — вся округлая, мягкая бабулька, сияющая добротой, а дядя Вася — поджарый, шустрый с весёлой лукавинкой в глазах — ну чем тебе не дед Щукарь.

— Самогонку настояли на вишнях, — начал рассказ дядя Вася, — эту настойку выпили, а ягоды деду Кондрату стало жалко выбрасывать, вот он и насыпал их вам. А ягоды сочные, сладкие, с остринкой, ну вы наелись и опьянели. Дед уложил вас на полати, а остальные ягоды вынес курам. Баба Надя приходит — куры во дворе все на боку валяются, хоть бы ногой какая дрыгнула. Подошли отчего-то, опечалилась она и вынесла их за двор на мусорную кучу. Заходит в дом, а там вы вповалку и на столе трёхлитровая банка из-под настойки... Ох, и досталось тогда деду и за малых детей, и за пьяных кур! К вечеру все оклемались.

— А как я поспорил с мужиками, что тёща встретит меня радушно и хлебосольно в любое время суток, слышали? — вошёл в задор дядя Вася. — Давно это было, тёща тогда ещё держала корову. Мы с мужиками собирали сено, — пока одному привезли, пока сложили скирду, потом другому, в общем, когда привезли тёще, было уже далеко за полночь. Свалили сено на сеновале. Я подмигнул, чтобы молчали про то, что привезли. Стучимся в окно, а были мы уже подшофе, зажёгся свет: «Кто там?» — «Открывай, мать! Зять пришёл!»

Впустила нас. Всё как положено: усадила за стол, налила по рюмке, закусили — и по домам.

А утром, в шестом часу, стук в окно: «Васько, голубчик, да абы я знала, шо вы сено привезли, абы так я вас встретила! Да я бы угостила на славу!»

— А как баба Поля отучила кота цыплят таскать, помните? — подхватил уже наш дед

Да, вспоминая разговор, я забыл указать на одну бытовую деталь: когда повечерело, тётя Галя посреди стола зажгла керосиновую лампу, такую же самую, как были в девятнадцатом веке. Дело в том, что в деревне были перебои с электроэнергией (перебои — это ещё мягко сказано). Мягкий тёплый свет лампы разлился по комнате, подкрасив всё вокруг в жёлтый цвет. Было уютно и тепло, и мы за чаем и радостной беседой не заметили, как прошёл вечер.

Вот вспомнил тот вечер, по сути, обычный вечер с чаепитием и разговорами, и открылась простая, но в то же время очень важная истина: пока живы вечерние беседы на лавочках, пока живы посиделки, пока, замёрзнув, гурьба ребятишек может забежать в ближайший дом и там их обогреют, обсушат и напоят чаем — будет стоять село, какие бы испытания не выпали на долю его жителей.

Может, в этом душевная сила Антоновки?

И был вечер, и было утро — наступил день третий, потом четвёртый, пятый... Были весенние хлопоты по дому, были радостные и долгожданные встречи с родными и друзьями — так, день за днём, пролетело десять дней. Настала пора ехать домой: из дома — домой.

С вечера собрали вещи, а потом наступило утро — грустное утро расставания.

Сели в автобус. Вот позади уже школа, обелиск, вот уже проехали и родник на краю села ... Взгляд провожает, как бы прощается с озером, с «Двумя братьями», синеющими своими пирамидальными вершинами на горизонте, с холмами, с полями. Господи, я столько лет прожил в Антоновке и даже не осознавал, насколько разнообразна и неповторима здесь природа! С востока холмы и лес спускаются в ровную безбрежную степь, словно берег наползает на море, с юга шумит волнами озеро, дальний берег которого еле голубеет лесом на горизонте, с севера подступает к селу разнолесье с его

изобилием ягод и грибов, а с запада колышется в восходящих потоках воздуха ровная степь, кое-где прочерченная лесополосами. Здесь сосна встречается с ковылём. Здесь на поросших камышом озёрцах хозяйничают эгоистичные собственники — лебеди, а по прибрежным солончакам перебегают и искусно прячутся кулички. Здесь зимой вдоль дорог, словно куры, пасутся степные куропатки. Здесь летом на озере кормятся бок о бок домашние и дикие гуси и утки, и бывает, что прибьются один-два диких гусёнка к стаду домашних гусей и живут с ними всё лето. Но как придёт пора вставать на крыло, не зевай, хозяйка, иначе дикие гусята всё стадо перебаламутят, но всё же заставят и малых и старых гусей учиться летать, так загоняют, что прощай, нагулянный за лето жир...

Автобус увозил нас всё дальше и дальше, и мысли постепенно обращались от прошлого к будущему — такова особенность дороги: она полна своих забот, своих ожиданий.

Я задался вопросом, в чём сила малой родины, и не нашёл на него ответа. Но она есть — есть незримая душевная сила, потому что где бы мы ни жили, её частица всегда остаётся с нами.

Познавать мир таким, какой он есть

Тёплый, но насупившийся пасмурным небом зимний полдень. Глаза устали от работы за компьютером, и для отдыха я вышел на лоджию, смотрю вдаль, всё дальше и дальше расширяя горизонт обозрения.

— Угадай, за сколько времени эти три «портфеля» пройдут расстояние от школьного забора до дороги? — слышу вопрос подошедшего сына Вани («портфелями» он назвал учеников начальных классов).

— Чувствуя подвох, на всякий случай набавляю: ну, наверное, минут за десять?

— Могут и в полчаса не уложиться.

Толкаясь и бегая в догонялки, наша троица стремительно приближалась к дороге, оправдывая мои самые оптимистические ожидания. Но тут, увертываясь от догонявшего один рванул в обратную сторону, второй за ним... третий присоединился к товарищам, и вот они снова на середине пути. Стоят и с деловым видом роются в карманах: подсчитывают мелочь. Продуктовый магазинчик — вот где западня — стоит себе сбоку среди семейки подобных ему то ли ларьков, то ли контейнеров, красуется красной звездой на вывеске. Всё, пойдут покупать чупа-чупсы, а это надолго — если Ваня и не прав, то я уже точно не угадал. Два «портфеля» поднимаются к киоску по ступенькам, а третий решил взойти по съезду для детских колясок. После трёх попыток с падениями он, наконец, взбирается на четвереньках по обледелому спуску. И что же наша троица? Теперь всем им нужно подняться к магазинчику именно по этому спуску. И уже все трое лезут и падают, пока одному не удалось с разгона вбежать на самый верх. Всё, дело за малым: не прошло и минуты, как все они уже с лёту оказывались наверху. И, наконец, пошли внутрь магазинчика. Дальше ждать мы не стали — так и остался невыясненным вопрос, за сколько времени трое первоклашек проходят расстояние сто метров, возвращаясь из школы домой.

Вернувшись с лоджии в комнату, я подумал: «А я? Я стал бы спускаться вниз и вот так, падая и ползая на четвереньках, „открывать“ новый путь подъёма на крылечко?»

Счастливое время детства? Нет, скорее счастливое время познания мира. Эти дети ещё могут, ещё способны познавать мир таким, какой он есть на самом деле. Мы же, взрослые, почти утратили способность совершать свои маленькие открытия, потому что боимся показаться смешными, боимся быть не такими, как все. А может, и не боимся, а просто привыкли жить по стереотипам, обленились, закаменели душой?..

После Пасхи

«Христос воскрес! — Воистину воскрес!» — от шёпота взаимных приветствий в церкви стоял гул, как от пчелиного роя. Уже давно началось Пасхальное богослужение, и приветствия батюшки громко и официально возносились под купол церкви: «Христос воскрес из мёртвых!» — а люди всё шли и шли. Одни шли на праздник, чтобы причаститься духовной радости, которая неведомым образом, но могущественно заполнила всё вокруг, другие — просто чтобы похристосоваться да дать пожертвование. В сей великий день даже самые скептически настроенные прагматики слушали утреню с особенной, непривычной для себя радостью, с дружелюбием и милосердным отношением к ближнему своему.

Вот и закончилось богослужение, и уже не шёпотом, а громко прихожане приветствуют друг друга в церкви: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» — и при этом многие из них спешат к выходу. Закончилось Пасхальное богослужение, теперь до следующего года...

«Христос воскрес!..» — смотрел я на праздник — величайший праздник Церкви, — смотрел на украшенный храм, сверкающий начищенной медью и огнями свечей, и тёплая грусть наполнила душу. Вспомнилось детство, как в советское время мы праздновали Пасху у себя в деревне.

Накануне во всех домах в больших русских печах выпекали куличи (по незнанию мы называли их пасхами). Незатейливо украшенные розочкой и венчиком из теста, обмазанные сахарной глазурью, — какими сказочными и невероятно вкусными казались они нам, детям. В чугунках варили яйца в луковой шелухе: чтобы они были красными; готовили незатейливые блюда, такие, чтобы можно было есть в праздничный день холодными.

И вот — Пасха! Церкви в нашей деревне не было, да и верующих, в общем-то, не было: об Иисусе Христе никто толком ничего не знал, да и знать не стремился, но все восклицали: «Христос воскрес! — Воистину воскрес!» — и обнимались, и целовались, и застолье в каждом доме, и за каждым столом, провозгласив тост: «Ну, за праздник!» — чокались стопками с самогонкой. Мы же, ребяташки, с восторгом "чокались" подаренными крашеными яйцами и радовались конфетам, точно ещё раз встречали Новый год.

А на следующий день кому на работу, кому в школу, и о Пасхе помнили уже только мы, дети, да и то потому, что ещё остались недоеденные куличи да крашеные яйца. Вот вам и «Христос воскрес! — Воистину воскрес!».

Не от того, что в церкви было мало радости и благоговения, исполнилось моё сердце грустью и всплыла в памяти картина из далекого детства. Причина была гораздо глубже: я вдруг осознал, что и сам говорю и от других слышу слова, которые воспринимаются лишь как приветствие: раз в этот день положено приветствовать так, вот мы и восклицаем: «Христос воскрес!» Грустно стало от того, что ни в себе, ни в ком другом не увидел я в тот день Христа воскресшего.

Уже не помню, где прочитал эту историю о Серафиме Саровском: он жил в келии в лесу (в малой пустыни), и в один из дней послушник, помимо обычной скудной пищи, принёс ему ещё немного варёных бобов.

— Почему такая добавка? — спросил Серафим.

— Сегодня великий праздник: Пасха Господня! — радостно воскликнул послушник.

— У меня каждый день Пасха, — тихо, как бы говоря самому себе, ответил старец.

Тогда эта история смутила меня: неужели святой Серафим не собирался праздновать Пасху? — Наверное, поэтому я и запомнил её. И вот сейчас, во время грустных размышлений, Господь даровал мне милость постигнуть духовную суть сказанного святым старцем. Действительно, мы, христиане, часто с охотой, даже с радостью говорим о воскресении Иисуса Христа, но что чувствуют, что познают при этом те, кто слушает нас? Только то, что Иисус Христос, живший два тысячелетия назад, воскрес из мёртвых, и... всё.

«Ладно, не буду спорить, возможно, так и было», — думает человек и соглашается с провозглашающими: «Христос воскрес!». Соглашается как с историческим фактом, как он согласен с тем, что когда-то жил, например, Александр Македонский или Наполеон: «Был, жил, мне-то что?»

А вот когда Серафим Саровский говорил-благословлял на прощание человека словами: «Христос воскрес!» — то они входили в самое сердце услышавшего их, и он уже не мог оставаться таким, как был до встречи со старцем. Он мог выбрать зло и отвергнуть истину Божию, но он уже не оставался таким, как был до этого.

У старца Серафима было два любимых приветствия: «Радость моя!» — встречал он приходящих к нему и «Христос воскрес!» — провожал их после беседы, после молитвы, после помощи благодатью Духа Святого. В тех приветствиях не было громких восклицаний, но слышавшие их верили не просто в искренность, а в истинность слов старца. Верили, потому что в самом Серафиме видели воскресшего Христа.

Со своей радостью от откровения Божьего и с грустными мыслями, что никогда не смогу стать таким, как Серафим Саровский, я пошёл к отцу Павлу, предварительно договорившись о встрече.

Уединились у него в кабинете. Его кабинет совсем не похож на солидные кабинеты с дорогой мебелью. Всё свободное от рабочего стола, стульев и стеллажа с книгами место было завалено рюкзаками, палатками и прочим туристическим инвентарем.

Выслушав мою пасхальную исповедь, отец Павел встал, включил чайник, вытащил из ящика стола карамельки, — всё, что осталось от праздничного изобилия, и начал рассказывать... о поездке в областной центр, о том, как губернатор вручал награды тем, кто работает с подростками.

— И тут до меня доходит слово Божие: «А ведь ты уже получил свою награду». Представляешь, Николай, что я почувствовал в тот миг?! — всплеснув руками, воскликнул батюшка.

Пока мы чаевничали, время от времени в дверь просовывались любопытные детские мордашки: «О чём это говорят взрослые?» — ребята с нетерпением ждали счастливого дня, когда они пойдут в поход. Долгой сибирской зимой они готовились к нему, учились устанавливать палатку, разжигать костёр, варить на костре кашу, — много всяких премудростей нужно освоить не только умом, но и руками, чтобы тайга перестала быть

чужой и враждебной, а стала доброй и заботливой. Но, самое главное, они учились товариществу, учились взаимопомощи и верности, учились вере. Да-да, учились азам веры, ибо, не почувствовав доверия, не проявив жертвенности при преодолении трудностей похода, никогда не постигнешь и не оценишь любви и жертвенности Иисуса Христа. Согласитесь, уважаемые читатели, ведь в походе почти сразу высвечивается сердце человека, сразу видно, кто есть кто.

Отец Павел ходит в походы с приметливыми, чуткими ко всякой фальши ребятами-подростками и по вечерам, под отблески и мирное потрескиванием костра, рассказывает им об Иисусе Христе и Апостолах или о ветхозаветных пророках и царях, рассказывает об Отцах Церкви или о святых и мучениках за веру, живших в нашем краю (он и маршруты подбирает так, чтобы дети больше узнали об истории края, о святых местах)...

Незаметно подступает ночь, догорает костёр, все отходят ко сну, а в сердцах, в мыслях, в переживаниях юных туристов остаются рассказанные, — именно к месту рассказанные, как притчи, те истории. Я уверен: на всю жизнь запомнят дети те по-сибирски прохладные летние вечера, проведённые с друзьями-товарищами у костра. Запомнят и те истории: пусть забудутся детали рассказов, но душевное ощущение, духовная атмосфера рассказов навсегда останется в их сердцах... Я полностью погрузился в по-детски восторженный рассказ отца Павла об их походах.

— А ведь я уже получил награду свою, — после некоторого молчания продолжил свои размышления батюшка. Его слова извлекли меня из походных грез, вернули к теме разговора.

— Думаете, дело в награде? — спросил я, настраиваясь на дискуссию. — Но в таком случае наградой можно считать и пирожок, подаренный человеком, хорошо к вам относящимся и благодарным за когда-то оказанную помощь.

— Нет, конечно, дело не в грамотах, дело не в медалях и не в пирожках. Я тоже помню слова Иисуса Христа: «Слушайте Меня все и разумеите: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит! (Мар.7:14-16)». Помню и понимаю, что эти слова Господа относятся не только к пище. Но если дело не во внешнем, значит, дело во внутреннем — в моём восприятии той награды: иначе не возникло бы в сердце моём печали. Дело во внутреннем, в том, что исходит из самого сердца: начав разговор с земной награды, которая могла вызвать не более чем кратковременную радость, я поделился с тобой своим счастьем. Счастьем, которое пережил в походах, счастьем, которое пережил во время общения с детьми.

А ведь действительно, подумал я, его рассказ увлёк меня, погрузил в атмосферу его переживаний, потому что слова исходили из самой глубины его сердца. Батюшка говорил со мной о тех, кого очень любил, и о том, что очень любил. И Серафим Саровский делился с людьми не просто радостной вестью, а своим счастьем от познания воскресшего Иисуса Христа, и благословение «Христос воскрес!» исходило уже не просто из уст, а из самого его сердца, поэтому слова и достигали до сердец слышащих.

Значит, и мне не нужно специально думать о том, насколько духовными будут слова «Христос воскресе», не нужно специально думать о том, как явить в себе Иисуса Христа воскресшего, а нужно просто искренне любить тех людей, которых приветствую словами о Христе — любыми словами о Христе, а не только «Христос воскресе». Нужно просто

любить то дело, которое делаю для ближних своих, и тогда люди сами увидят, что во мне пребывает жизнь Иисуса Христа.

Счастливый, с миром на сердце, я шёл домой и думал о том, как хорошо вот так запросто побеседовать с батюшкой. Не будь таких бесед, не будь простого человеческого общения, разве смог бы я отойти от религиозно-официального восприятия Церкви? Никогда. Она так и осталась бы в моём понимании организацией, исполняющей религиозные и просветительские требы.

И уважение, обретенное в непринуждённом искреннем общении, когда не только слышишь слова, а ещё и видишь, как живёт служитель, такое уважение не поколеблют ни сказки писателей, ни статьи в жёлтой прессе, — ничто не поколеблет, ибо я знаю настоящего, не сказочного батюшку.

Христос воскрес!

Послесловие

Действующие лица этого рассказа — вымышленные персонажи, и история, описанная здесь, является художественным вымыслом. Но очень хотелось бы, чтобы больной человек, перемещение которого ограничено квартирой, мог бы вот так запросто попить чайку с внимательным и мудрым батюшкой и поговорить не только о своём наболевшем, но и о его заботах и волнениях — просто по-человечески поговорить...

Наташкин дневник

— Галя, здравствуй!

— Коля?! Неужели это ты?! — оглянувшись на оклик и взглядевшись, громко и радостно воскликнула женщина, деловито шедшая вдоль поезда, только что прибывшего из Кисловодска.

— Коля, дорогой, как я рада видеть тебя! — с восклицанием, нет, сильнее — с радостным воплем бросилась она на шею, при этом её пустое ведро со всего маху треснуло меня под лопатку.

— Ой, сколько лет мы не виделись?! Лет пятнадцать, не меньше! — затараторила она, отступив на шаг и беззастенчиво разглядывая меня. Пред её взором предстал стареющий мужчина с профессорской бородкой и поавторитетневший на... не стану уточнять, на сколько килограмм.

Галя же ничуть не изменилась: как была стройной, порхающей болтушкой-веселушкой, так и осталась. Пожалуй, только взгляд повзрослел.

— Ты кого-нибудь встречаешь здесь? — спросил я.

— Да нет, пришла к поезду купить вишни. Раньше никогда не ходила, а тут как будто кто позвал... вот и встретились. А ты, вижу, приехал с юга, — был в отпуске?

— В отпуске. Только не на море, а в деревне у родителей. Дом им снаружи подштукатурил, побелил, да к зиме...

— Как я рада! Ведь как вы переехали, я ни адреса, ни телефона ни у кого не могла узнать, а потом и мы переехали, — весело перебила меня Галя. Ты не торопишься?

— Нет, но чем мешать людям здесь на перроне, или так, наскоком, пока мой поезд стоит на перроне, приезжай лучше к нам в гости, мы с Верой будем очень рады.

Обменявшись адресами и номерами телефонов, мы расстались. Расстались, чтобы вскоре встретиться. Так волею случая возобновилось наше старинное знакомство. Много воды утекло с той поры, мы живем в другом городе, а увидел Галю — как будто вчера расстались.

Когда приехала долгожданная гостья, началось: «А помнишь?!.. А слышала?..»

«Коля, ты не знаешь, с кем из церковной молодёжи в свои последние месяцы общалась Наташка?» — когда мы углубились в воспоминаниях до середины девяностых годов, спросила Галя.

Середина девяностых — невероятно трудная и в то же время чрезвычайно интересная тогда была жизнь. Неистовые девяностые!

«Из ваших церковных она ни с кем не общалась, но я помогал её маме с похоронами, и она давала почитать дневник своей дочери», — ответил я, а сам подумал, что с тех пор почти не вспоминал про Наташку. Не Наташу, не Наталью, а именно Наташку, полную противоречий чудную девчонку Наташку.

— Ой! Как бы и я хотела увидеть тот дневник, вспыхнула, но сразу же угасла, обмякла Галина. Погрузилась в себя наша Галка — бойкая женщина, закалённая трудностями жизни. Как она иронично говорит о себе — женщина с замороженной молодостью.

Видя резкую перемену настроения, я было подумал, что понимаю почему: сколько бы лет ни прошло, ни радость, ни тем более причиненная душевная боль не исчезают бесследно. Текущие житейские хлопоты могут припорошить память, но стоит дунуть ветру воспоминаний, и вот они — верхушки «камней» былых переживаний.

— А зачем тебе — ради удовлетворения своего бабьего любопытства?

— Не обижай меня, ведь она, её слова и дела оставили в моей жизни очень глубокий след. Я тогда не понимала, насколько глубокий.

— Извини, пожалуйста, за глупый вопрос! Дневника, конечно, у меня нет, но, прочитав, я тогда сделал для себя конспект. Сейчас отсканирую листочки и распечатаю для тебя.

Дальше по традициям литературного жанра должен появиться пыльный чердак и с трудом найденный в сундуке (желательно, на самом дне сундука) блокнот и прочая экзотика. Но ничего такого не было. Оставив Галю и свою жену Веру пощебетать о своём, о женском, я вышел в другую комнату. Быстро нашёл в книжном шкафу нужную папку-скоросшиватель и достал из неё мультифору с литературными заметками о Наташке.

У меня в руках — пожелтевшие листы дешёвой бумаги с напечатанным на печатной машинке текстом. Перелистываю их, глаза пробегают по страницам, но душа не рвётся читать. Вместо чтения — воспоминания. Даже про сканирование забыл.

Как уже сказал, дело было в середине девяностых. Люди постарше помнят, как тогда мы всей страной не получали зарплаты, как жили на одной лапше, разбавляя её тем, что не успели спереть с наших дачных участков «добрые люди». И вот в ту «золотую пору» в протестантскую церковь, в которую зазвала Галю её подруга, приехал из Америки некий миссионер и предложил организовать центр реабилитации наркоманов и алкоголиков. Пастырь и епископ тут же согласились, подобрали денег (сумму, равную примерно полутора тысячам долларов, — по тем временам казалось, что это большие деньги), за мизерную зарплату призвали троих прихожан для работы в этом так называемом Центре и привели с улицы шестерых наркоманов — четырёх парней и двух девушек. Ни помещений, ни даже средств на пропитание у них не было, поэтому перебивались натуральными пожертвованиями членов церкви. Для парней сняли комнату, а девушек пустила к себе наша Галя-Галочка (мы с ней познакомились и подружились уже позже). Как объяснил ей пастырь, тех девушек надо пустить к себе ради странноприимства. Естественно, вскоре авантюра развалилась, наркоманы разбежались, работников уволили, а Галя хватилась: украдены все зимние вещи — всё, что было поновее.

Что на это сказать? Если с грустной иронией, то наркоманы обворовали её ещё милостиво: не всё вынесли из дома, так сказать «отблагодарили» за гостеприимство и хлеб-соль. Но то были наркоманы, а как назвать церковнослужителей, втянувших людей в такую авантюру?..

Старые листочки всколыхнули душу, я и сам не заметил, как погрузился в чтение.

«Мы верим» — так Наташка назвала свой дневник. Название дневника звучит обнадеживающе. Звучало...

Вспомнились, как будто всплыли пред глазами старательные буквы на обложке дневника: тонкой школьной тетрадки в клеточку, по контуру обведённые красной пастой.

«15 октября. Так получилось по милости Божьей, что я здесь, в Программе. Когда дошла до края, когда ничего уже не приходило в голову, как покончить со своей никчёмной жизнью, я оказалась здесь.

Я искала любви везде и по-всякому, но не нашла. Не нашла! Хотела заглушить боль души наркотиками, но вскоре получила новые боли, моральные и физические. Тогда решила заработать много денег, чтобы красиво выглядеть: может, в этом счастье? Но вышло так, что все деньги ушли на то, чтобы колоться.

Два раза лечилась в наркодиспансере. Претерпевала ломку, но оставалась психическая зависимость, и голос внутри говорил, что нет спасения. Чтобы забыть кайф, нужно отрубить себе голову, тогда точно не будешь об этом думать. Когда выходила из больницы, ласковый голосок внутри внушал: „Вспомни, как было здорово! Тем более, с одного раза с тобой ничего не случится. Вспомни всё, ведь это твоя судьба“, — и я снова и снова поддавалась на обман. Так или иначе, но всё шло к смерти. После очередного... приходила домой и плакала в отчаянии, но что-то удерживало, не давало покончить с собой. И я стала откладывать своё решение: всё, завтра точно. Но пока промотаешься в поисках, день уходит, и снова на завтра...» — так Наташка начала свой дневник — небольшой по объёму, но так много вместивший в себя — целую жизнь.

Может, кому из читателей и не понравится, что я отвлекаюсь, не цитирую конспект полностью, — увы, как сам перечитывал его с остановками, с размышлениями, так и цитирую.

Для кого она писала — для себя или для посторонних глаз? Наверное, для себя, но и для других, как некую апологию. Апологию даже не столько за себя, сколько за сотни тысяч юношей и девушек, в те годы наполнивших своими телами кладбища нашей страны. Если не так, то не только не стоит, а даже преступно обнародовать её мысли, её переживания.

Итак, апология! Решено, вовлекаю вас, уважаемые читатели, в стихию эмоций, мечтаний и неразберихи, творившихся в голове и сердце героини рассказа. В её суждения, взятые, с одной стороны, из горького жизненного опыта, а с другой — из проповедей, услышанных в той протестантской церкви.

«21 октября. Господь услышал мои мольбы о смерти, я говорила: „Господи возьми меня, в смысле на тот свет“ — и Он взял, только не в смерть, а к Себе. Может, не хотел, чтобы я пошла в ад. Спасибо Господу Богу! Он свёл меня с людьми, которые привели меня в церковь и в Программу. Если бы не Бог, я бы даже ломку не выдержала, сразу же ушла бы. Но мы молились, и её как таковой не было. Дьявол тоже не дремал, он нагнетал воспоминания и желания, чтобы увести назад, в грех и в смерть, но у Бога, видимо, всё же есть план для меня, поэтому я здесь, я осталась...

Теперь расскажу о своей жизни в Программе (в Центре реабилитации). Уже больше двух месяцев, как я молюсь, но ещё не очень хорошо получается: в основном языком говорю, а сестра из церкви учит, чтобы уста от сердца говорили. По мирской музыке и телевизору сильно скучаю: не считаю, что мне это может помешать. Курить не курю, материться не матерюсь — слава Богу! Даже не ругаюсь, сердиться приходится иногда, но быстро остываю. Чувствую конкретные изменения и на самом деле думаю, что всё это заслуга Духа Святого. Аллилуйя! Всё так же крашусь (как в миру), но здесь некого привлекать, просто осталась привычка к макияжу и желание одеваться по своим вкусам.

Шутки остались, иногда за них мне стыдно перед братьями и сёстрами в церкви. Всё это я записываю, чтобы увидеть изменения во мне.

У меня в церкви чудесные сёстры и братья, но в голову лезут всякие мысли: да вот они... или да вот ты... Грешные мысли.

С сегодняшнего дня я решила делиться с Господом всем, даже тайным, тем более что Он и так всё видит и слышит, что бы я ни думала. Я люблю Бога, но на втором месте (мне нравится...). Буду и дальше вести дневник, а сейчас откровенный разговор с Богом (молитва), во всяком случае, я на это настроена.

24 октября. Сегодня не было занятий. Потом взяла и обиделась на всех, и было так плохо, и я не пошла на вечернее служение в церковь. Хочу побыть с Богом, Он у меня единственный друг, Который выслушивает и воспринимает меня такой, какая есть. Оставшись одна, поняла, что только Он не оставил меня из-за моего психа. Почувствовала Его тепло и начала понимать, что начинаю Его любить всё крепче и крепче, и меня это не пугает, а радует. Он меня не бросит, что бы ни случилось.

В последнее время мне стало страшно общаться с кем-либо. Шутки мои неуместны, и к братьям я не имею права подходить — так нам сказал директор Программы. Я с этим не согласна, ведь я подходила поговорить без всяких таких мыслей».

Посмотрите, какие разные настроения! Сначала я читал Наташкин дневник и радовался — радовался, даже зная, что произошло потом, в конце. Так заразителен был восторг Наташки 21 октября. Но прошло три дня и уже — одиночество и унылое нытьё.

По вере ли была её жизнь? Нет. И дело вовсе не в перемене настроения, а в хрупкости взаимоотношений и с людьми, и с Богом. Пока Господь готов терпеть и принимать её такой, какая она есть, она согласна быть верующей и даже питать к Богу некое нежное чувство, но как только Господь воззвал: «Освятитесь, ибо Я свят!»...

Четвертая и, к сожалению, последняя запись была сделана спустя месяц.

«28 ноября. Как и думала, что, перечитав свою писанину, надолго отобью желание писать. У меня и сейчас его нет, но чувствую, что надо.

Как рано я обрадовалась добрым переменам, но стоило бросить читать Библию и молиться, как сразу же поняла, что не смогу идти „узким путём“. Думала, что самоконтроля и силы воли хватит, но, Боже мой! Я спохватилась слишком поздно!

Сначала дьявол (а может, моя похоть, не знаю) предложил посмотреть телевизор — я смотрела всё подряд, — ела его глазами; тем более что мы жили на квартире у Гали и телевизор был под рукой. Появились мысли о том, что всё-таки там, в миру, здорово. Стоило мне разоблачить, что телевизор делает работу сатаны и помолиться, пришло следующее испытание. Занятия у нас прекратились, стало много времени, а телевизор не хочу. И тогда, подловив момент, дьявол подослал мне парня, ушедшего из мужской Программы. Он позвонил и, когда я выглянула в подъезд, сидел у окошка и делал себе укол и не мог, все вены попробовал. Может, ждал, что и я захочу, но у меня обратная реакция — такая неприязнь, как он посмел прийти и дразнить?! Потом он попросил уколоть его, не знаю зачем, но я согласилась и потом об этом сильно пожалела. Вечером в памяти чувственно ощущалась та „машина“ в пальцах, тот холодок от дозы. Это было мучительно. Я опять молилась, но молитва не шла: слова как будто прилипали к языку.

На другой день, когда инструктор вышла по делам, снова — звонок в дверь. Открыв дверь, увидела, как потом поняла, „дьявола во плоти“ — это был мой любимый парень из

мира. Он пришёл уколотый и принёс дозу, и произошло то, чего я так боялась. Я даже не пыталась отказываться: второй раз он бы не предложил, но, главное, второй раз уже не пришёл бы никогда.

Почему я решила, что это от дьявола? Да потому, что после первого укола он вышел и через пять минут, если не меньше, принёс ещё два куба. Нам стало хорошо, никаких проблем. Закрылись, закурили. В дверь звонили, стучали, но я не хотела открывать, я боялась, что всё закончится — закончится эта тишина, покой и целая пачка сигарет. Курила одну за другой — такое ощущение, что я ими дышала.

Представляю, как Бог на всё это смотрел.

Теперь я мучаюсь, мне стыдно, даже не знаю, как выразить. А ещё я не знаю, как быть дальше. Тогда, когда была с Господом, казалось, я летала, а теперь хоть бы голову поднять. Обидно: попала в смертельную ловушку дьявола, как мышь на кожанку от семечки. Боюсь, что начну сомневаться в своём возвращении к Богу, боюсь обратиться к сестрам из церкви. Буду молить Господа о пощаде».

Я дочитал последний листочек и аккуратно, даже с каким-то внутренним трепетом, положил его на место.

Дальше Наташка дневника уже не вела, наверное утратила надежду.

За свой проступок она была исключена из реабилитационного центра. И вскоре вернулась к наркотикам, вообще перестала общаться с верующими. Через полгода она умерла — покончила жизнь самоубийством, выпив таблетки. Перед этим они с подружкой купили наркотики, и Наташка уколола ей „передозировку“, от которой та скончалась.

Когда по просьбе её матери мы забирали Наташку из морга, там лежало ещё семь молодых людей, умерших от наркотиков. В гроб, по принятому в мире обычаю, её, как незамужнюю девушку, положили в белом подвенечном платье. Но мне запал в память её паспорт — он был совсем новый, еще почти никаких отметок, ей шёл двадцать первый год — самое начало жизни...

Если оценивать Наталью буквой закона, то какая будет запись в книге её жизни? Наркомания, воровство, проституция, непреднамеренное убийство и, наконец, самоубийство — столько грехов, да ещё каких грехов, на одну юную душу. Неужели и её любил Бог? Ладно, Бог — Он всех любит, — и её тоже любил. Но люди — неужели такую могли любить люди? И могли, и любили. Не потому, что написано: «Возлюбите!» — а потому, что её легко было любить. Душевная искренность и отзывчивость в Наташке непостижимейшим образом умудрились совместиться с эгоизмом и злыми делами. Как выразился герой одного мультфильма: «Ну и что, что жадничаю, зато от чистого сердца!»

Она заразительно хотела любви, беззаветной любви, но сама не могла, да, наверное, никогда и не думала подарить такую беззаветную любовь. Она заразительно хотела счастья и радости, но пожертвовать чем-то своим для счастья и радости других ей даже не приходило в голову. Скорее всего, за стремление к светлому, за её мечты любили Наташку окружающие.

На стол собрали во второй раз и позвали меня ужинать. Действительно, что-то я засиделся, и стало неудобно перед гостями: столько лет не виделись, а я всё не выхожу из своей комнаты. Галя, наверное, думает, что никак не могу найти обещанный дневник. Ладно, пусть лучше так думает, а то совсем бестолково получилось, нашёл время читать.

После ужина, быстро отсканировав и распечатав, передал копию Гале. Она, взяв листочки, тоже не удержалась и тут же стала читать и перечитывать. И лицо её то освещалось внутренним светом, то помрачалось. Галя, дорогая Галя, теперь я понял, почему, узнав, что у меня есть конспект Наташкиного дневника, так дрогнул твой голос. Нет, не обиду ты вспомнила, а шепотную красавицу Наташку, и встрепелась, надкололась твоя душа. Поверь, дорогая Галина, мне было бы легче видеть, что ты всплакнула, как все бабы.

Наташка — это собирательный образ, но ведь не это главное, — главное, такая девушка могла жить, печалиться и радоваться, могла по девчачьей привычке вести дневник.

Я рассказал про судьбу одной девушки, всего лишь одной. Пожалуйста, не делайте обобщений, не ищите морали. Но, когда случится у себя в городе или в деревне побывать на кладбище, пройдитесь вдоль могил последней четверти века — сколько там лежит молодых. И, взглянув на одну из таких могилок, подумайте, может, эта девушка была прообразом Наташки? Только подумайте, и ваша душа станет добрее.

Улыбка больного человека

Опять я в больнице...

В нашем отделении много лежачих тяжелобольных. Этой ночью умер ещё один человек. Плач его матери. Медсестра накапала в стакан корвалол — первая, самая острая, самая эмоциональная реакция на обрушившееся горе.

Умершего уже не вернёшь.

Постепенно угаснет боль разлуки. Эта боль не исчезнет, она останется, но останется уже как память о боли, как память о пережитом.

Я видел мёртвое тело, накрытое простынёй, смотрел на заботливую суету дежурной медсестры о старушке — матери умершего, а мысли уносились к живым. И думал я тогда о том, что больные, пережившие инсульт или подобное тяжёлое заболевание, редко улыбаются. Не увидишь улыбок на их лицах, когда приходят к ним в больницу их родные.

А как те жёны, дети ждут улыбки, ждут проявления радости!

Как ждут!

Почему в ответ каменные лица и ворчание? Почему так?

Ведь когда беспомощный больной ребёнок увидит свою маму, он со всей душой своими ручками тянется к ней навстречу. А когда беспомощный взрослый больной, то почти всегда — бурчание, даже раздражительность и почти никогда не бывает улыбки навстречу, не говоря уже о словах заботы и ободрения.

Почему у взрослых такой эгоизм? Ведь, если подумать, родным больного намного тяжелее, даже можно сказать, больнее, чем самому больному.

Улыбка навстречу. Она как весенняя талая вода, она даёт силу жить. Дает силу жизни и самому больному, и даёт силу жизни его родным.

Всего лишь улыбка. Радостный огонёк в глазах. Он ведь — как первый росток зелени после суровой зимы. У каждого, кто видит этот весенний росточек, возникает в сердце желание согреть его, защитить его. И... отогрелось сердце у близкого человека, сопереживающего с больным его боль.

Почему больные взрослые не улыбаются своим родным? Ведь те ждут этой улыбки. Как они ждут этой улыбки! Как ждут!

Может, тяжелобольные переживают, что больше не смогут работать? А может, переживают, что стали бременем для своих близких?

А может, дело в другом — в том, что по мере взросления у людей черствеет душа? Пока человек здоров, он контролирует своё поведение, свои эмоции, держит в узде свой эгоизм, а когда заболит — контроль нарушается, и вся его эгоцентричность отображается на лице, отражается в словах. Ведь не напрасно же сказал Иисус Христос: «Пустите детей приходиться ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».

Всего лишь улыбка.

Но как это много! Ведь улыбка становится знаком, символом того, что и ты, больной, заботишься, печешься о своих родных. Хорошее слово — «печёшься», — как бы окружаешь, окутываешь теплом — теплом любви.

Сейчас я вспомнил одного человека, который до последнего часа изливал тепло своего сердца. К сожалению, забыл его имя.

Два года назад он лежал в одной палате со мной. За ним ухаживали жена и дочь, но днём часто приходили навестить родственники и друзья, — так что тумбочка всегда была завалена фруктами.

Я видел такое нежное, приветливое общение — общение даже не словами, а сердцами, что просто не верилось, что рядом лежит человек, страдающий от мучительных болей.

Помню, в молитве я ещё особо отмечал: уж кому и быть исцелённым, уж кого и ждут дома, так его в первую очередь.

Вечером он попросил меня набрать в его мобильнике номер сына. Они говорили минут пять. Я не слышал, о чём шла речь, но, помню, удивился, насколько лицо его было в те минуты мудрым и добрым. Потом он ещё поговорил по телефону с родными. А ночью... умер.

Даже для меня, — постороннего человека, — у него в тот вечер нашлись силы на улыбку и нашлись добрые слова.

Что ещё он, недвижимый, мог дать окружающим? Ведь ни поле вспахать, ни дом отремонтировать он не мог. Только отдать тепло своего сердца.

Но, Боже! Как это много! Как это ценно здесь, на земле!

Ушёл от нас тот человек. Со временем многое забылось, но улыбка, его приветливая улыбка, так и осталась в моём сердце и даже сейчас согревает. Даже ваше, дорогой читатель, сердце она согревает...

Меня спросили: «Для кого ты это написал? Для больных? Они не смогут прочесть. Для здоровых? Они не больны».

Не знаю. В первую очередь для себя написал. А также для тех, кто ухаживает за больными.

Да и, в конце концов, кто из нас может сказать, что душа его не без болезни?

Оглавление

«ПОТОМУ ЧТО СЛОВА ИСХОДИЛИ ИЗ САМОЙ ГЛУБИНЫ ЕГО СЕРДЦА...».....	3
СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМА	5
Смерть, смерть.....	5
Год тому назад.....	8
Праздник кущей	12
Геула	15
Могущество вавилонское	20
Да будет по воле господина моего!.....	23
Никакой надежды	27
Олдама	29
Город умер	33
РАССКАЗЫ.....	38
Войнушка.....	38
Главный экзамен	40
В чём сила, земляк?.....	45
Познавать мир таким, какой он есть	51
После Пасхи.....	52
Наташкин дневник.....	56
Улыбка больного человека.....	62

Жизнь полнится испытаниями. Так было, так есть, так будет. Как встретить их? Какой выбор сделать в трудной ситуации? Позволить себе сдаться или устремиться навстречу проблеме? Каждый волен сам принять решение и определить свое настоящее и возможное будущее.

В рассказах «Наташкин дневник», «Улыбка больного человека» и «После Пасхи» Николай Погребняк предлагает читателю познакомиться с героями, являющимися нашими современниками, которые встали перед жестоким духовным выбором: до конца остаться человеком или думать только о себе.

А повесть «Смерть Иерусалима», давшая название сборнику, перенесет читающих её в далекое прошлое и расскажет о судьбах трех разных женщин, живших в Иерусалиме. Когда вавилонская армия царя Навуходоносора осадила город, и всякая надежда была утрачена, они сумели не утратить человечности и сохранить в сердце искорку любви...

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

Издательство работает с 2010 года и является членом Ассоциации издателей России (АСИР). Приглашаем к сотрудничеству авторов и оптовых покупателей.

izdat-sp.ru

mail@izdat-kniga.ru

8 913 429 2503

ISBN 978-5-00187-536-9

9 785001 875369 >